

18+ Лариса Джейкман

Нерадивая дочь

Лариса Джейкман

Нерадивая дочь

«Издательские решения»

Джейкман Л.

Нерадивая дочь / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502463-3

Татьяна и ее брат Эдуард выросли в хорошей и порядочной семье. Но вот только Эдика очень любила мама, а Тане с детства доставались одни лишь упреки. Да так по жизни и повелось: Эдуард успешен и счастлив, а у Татьяны жизнь рушится. Но со временем молодая женщина вновь встает на ноги, но ее неотступно преследует прошлое и тянет назад. А ее мать — лишь камень преткновения на жизненном пути своей нерадивой дочери. Найдет ли Татьяна силы, чтобы противостоять невзгодам и сумеет ли не очерстветь душой?

ISBN 978-5-00-502463-3

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Возвращение	6
2. Начало новой жизни	12
3. Судьбоносная встреча	17
4. Клад	24
5. Семен и Женька	29
6. Золотая жила	34
7. Большие перемены	38
8. Новая работа и новая любовь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нерадивая дочь

Лариса Джейкман

Зорко одно лишь сердце.

Самого главного глазами не увидишь.

(Антуан де Сент-Экзюпери)

© Лариса Джейкман, 2025

ISBN 978-5-0050-2463-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Возвращение

Железные ворота раздвигались медленно и со скрипом. Два надсмотрщика стояли рядом и безразлично взирали на этот долгий процесс. Татьяна сохраняла спокойствие. Она выходила на свободу, и лишние пару минут за железной оградой уже не изменят ее жизнь к худшему, так как оно, худшее, теперь позади. Весь этот кошмар наконец-то закончился, а впереди прежняя жизнь, со всеми ее радостями и надеждами на будущее.

С легким вздохом она шагнула наконец на волю и сразу же ощутила это прекрасное чувство свободы! Позади осталась тюрьма и три года заключения, которые она могла бы и избежать, наверное, не будь она такой правдивой и честной, а те люди, которые подставили ее – да Бог с ними. Сама виновата, радовалась, наивная, что поступила на работу в солидную организацию, старший финансист нашумевшего в их городе банка «Кооперативный», который умудрился слить в себя несколько мелких банков, а затем, ограбив всех клиентов подчистую, захлопнулся в один день и испарился, будто и не было его вовсе.

Осталась достигаемой лишь одна Татьяна, которая конечно же чувствовала недоброе, но противостоять крупной махинации не смогла, хоть и пыталась. И ее же и призвали к ответу. Остальных руководителей банка и его работников как ветром сдуло.

Затем был суд, признание вины и тюрьма. Три года лишения свободы, которые она стойчески выдержала. И вот теперь свободна. Татьяна вздохнула полной грудью и с жалкой улыбкой на лице направилась к автомобилю, из которого вышел и поспешил ей навстречу Эдик, ее родной брат. Он был в дорогом спортивном костюме, импортных кроссовках, от него исходило домашнее тепло и легкий аромат приятной туалетной воды.

– Ну вот и все! Привет, моя хорошая. Поздравляю, – проговорил Эдик и вручил сестре очень скромный и невзрачный букет цветов.

Он всегда и во всем знал меру, понятно, что роскошный букет роз был бы в данном случае неуместен. Татьяна взяла цветы, прижала их к лицу, и по ее щекам покатались слезы.

– Ну-ну, давай без этого, – поморщившись проговорил брат. – Радоваться нужно, что все позади. Сейчас поедем домой, нас уже заждались. Мама приготовила обед, а Лика испекла торт, она у меня мастерица, кулинар.

Лика была новой женой Эдика, и Татьяна ее ни разу не видела. Поженились они всего год назад, а до этого ее брат расстался со своей первой женой Мариной, которую Татьяна не то, чтобы не любила, но считала немного ленивой и безразличной ко всему, что ее окружает. Детей она не хотела, домашнюю работу не любила и хозяйкой была никудышной. И вот теперь Лика. В душе Татьяны шевельнулось чувство интереса и легкой зависти. Брат опять на высоте. У него новая семья, жена, красивая, наверное, и радостная обеспеченная жизнь.

А у нее что? Любимый мужчина оставил ее на произвол судьбы прямо в зале суда после вынесения приговора, особой красотой и тем более лоском, присущим Эдику, она теперь не блистала, мать ее недолюбливала всю жизнь, а сейчас и вовсе потеряла к ней всякий интерес как к личности. Она ведь опозорила семью, попала за решетку.

От этих невеселых мыслей Татьяна тяжело вздохнула и уселась на переднее сидение роскошного авто, которого раньше у брата не было.

– Откуда такая славненькая тачка? – спросила она.

– Ну вот, нахваталась словечек. Не тачка, а автомобиль Ауди, цвет жена выбирала, я бы предпочел что-то потемнее, а ей приглянулся этот, бледно-голубой металлик. Нравится?

– Да, очень красивая машина. У твоей жены хороший вкус.

К дому подъехали примерно через час и всю дорогу говорили о разных пустяках: погода, природа, дача. Эдик рассказал правда немного о себе, он все так же держит магазин, который раньше был просто комиссионкой дорогих подержанных вещей, а сейчас стал антикварным,

хорошо известным и котирующимся как в их городе, так и в близлежащих городах, включая Москву.

Ли́ка – его основная помощница и советчик в бизнесе. Это с ее легкой руки он «профилировал» свой бизнес, как он сам выразился. Она в антиквариате спец, у нее образование художник-реставратор. И она долго практиковалась именно на реставрации различной художественной старины, включая иконы, картины, старинную церковную утварь и ювелирные изделия.

– Ты права, вкус у нее отменный, и толк во всем этом она знает. Часто ездит за границу, выискивает там уникальные старинные вещишки и привозит на продажу в наш магазин.

– А где она их выискивает? Они же наверное и за границей немало стоят. Где же выгода?

– Да в том-то и дело! Она знаток всех блошиных рынков в Англии и во Франции. А там такое можно купить за бесценок, что уму не постижимо. Люди просто не понимают, продают то, что нашли у себя в подвалах и на чердаках доставшихся им по наследству старинных домов, а ценности этих вещей не представляют. Она мне брошь один раз привезла, фарфоровую, викторианского периода. Купила в Англии за пять фунтов, а продал я ее за пять тысяч рублей, то есть где-то около ста фунтов. Вот и прикинь!

Татьяна слушала брата с интересом. Действительно, это же здорово так хорошо разбираться в произведениях искусства, знать им цену и иметь от этих уникальных знаний такой хороший доход!

Эдик, как будто прочитав ее мысли, спросил:

– Ну а ты чем собираешься заниматься? Ну, когда в себя придешь, конечно. Отдохнешь, расслабишься, а потом что? Есть мысли на этот счет?

– Да ну, какие мысли? Я и не думала об этом. Сначала надо с жильем определиться. С мамой я жить не хочу, я буду ей мешать, как всегда.

– Ну поживи у нас первое время. Ли́ка не будет против. Я тот свой дом продал, как ты знаешь. Деньги разделили с Маринкой, затем немного поднапрягся и перед самой свадьбой купил себе новый дом в коттеджном поселке. От города недалеко, но зато на свежем воздухе.

– Спасибо, Эдик. Я подумаю, – сказала Татьяна, и вновь легкое чувство зависти шевельнулось где-то в глубине души.

До того, как она попала в тюрьму, у нее тоже была своя квартира, вполне даже неплохая, трехкомнатная, с двумя спальнями и просторной гостиной. Но теперь она ее потеряла, так как приговор был вынесен с конфискацией имущества, то есть полная потеря всего: своего дома, хорошей работы, и самое главное – потеря себя. С этими невеселыми мыслями они наконец подъехали к дому, и Эдик очень осторожно припарковал свою красавицу между двумя другими, менее престижными и громоздкими машинами.

– Не поцарапают? – участливо спросила Татьяна, но Эдик лишь пожал плечами и щелкнул автоматическим замком на ключе.

Ауди нежно пискнула в ответ, а брат с сестрой направились к подъезду, который был хорошо знаком Татьяне с детства. Здесь они жили с родителями еще детьми. Здесь они выросли, а потом разъехались по своим домам, оставив маму с папой одних в их дорогих сердцу стенах. Папа, Георгий Николаевич, умер несколько лет спустя, и мама осталась одна.

Дети навещали ее довольно часто, но Татьяна не очень любила приходить в дом своей матери, та постоянно отчитывала ее, говорила, что она неудачница, замуж ее не берут, а работа положения не спасает. А когда случилась беда, и Татьяна попала под суд, мать заявила:

– Я знала, что этим кончится. Ты безалаберная, и чутья житейского у тебя нет. Поэтому с тобой обошлись, как с последним ничтожеством. Сами обогатились, а тебя под откос пустили. Вот и отдувайся теперь.

На суде мама не была, но на свидания в тюрьму приходила регулярно, раз в три месяца. Между ее визитами иногда появлялся Эдик, со страдальческим лицом и оживленными разговорами. Татьяна этих визитов не любила и никогда их не ждала.

И вот теперь, через несколько минут, ей предстояла встреча с мамой, да еще и с Ликой, совершенно новым для нее человеком. Рада ли она этим предстоящим встречам? Вряд ли. Выглядит она ужасно, настроение так себе, осознание свободы после несправедливого наказания воспринимается тяжело, да еще и полная неизвестность впереди: с чего начинать свою новую жизнь, она понятия не имела.

Трель звонка, раздавшаяся за дверью родительского дома немного взбодрила ее. Послышались шаги, затем звук открывающегося дверного замка, и наконец дверь открылась, тихо, почти бесшумно. На пороге стояла ее мама, Елизавета Тимофеевна, с копной седых волос, уложенных в замысловатую прическу, в синем трикотажном платье и уютных домашних туфельках.

– Ну здравствуй, Таня, – произнесла мать, а затем, немного подумав, добавила: – с возвращением.

Татьяна, подталкиваемая братом, переступила через порог, и остановилась в нерешительности. Она не чувствовала в себе потребности обнять мать, тем более, поцеловать ее, но это произошло само собой. Они все же обнялись, мать и дочь, после чего Елизавета Тимофеевна сразу же сказала:

– Тебе, наверное, в душ надо. Иди, я тебе сейчас полотенце принесу. Только не долго, у нас пирог уже готов.

«От меня пахнет тюрьмой, наверное», – мелькнуло у Татьяны в голове, и ей стало неприятно. В душе, под горячими струями, молодая женщина неожиданно разрыдалась, и дала волю слезам. Ей было страшно, обидно, горько, ее терзало чувство оскорбительной несправедливости, которую нанесла ей судьба.

Она увидела в огромном зеркале синяки на своем исхудавшем теле, это были следы от ушибов на работе в грязном и затхлом цеху, а так же от легких тычков ее сокамерниц. Всякое бывало. И хоть все это теперь и позади, но душа-то изранена. И эту рану вот так сразу не вылечить и не смыть горячей водой и чудесным, розовым с перламутром, гелем для душа.

Волосы были короткие и жесткие, поэтому после мытья торчали ежиком. Белье и домашнее платье мама приготовила заранее и сложила все это аккуратной стопочкой на стиральной машине. Татьяна облачилась в комфортную, хорошо пахнущую одежду и вышла в гостиную.

Здесь витал аромат вкусной еды, все оживленно суетились у стола, и тут она увидела ее, Лику, новую жену своего брата. Тоненькая, изящная, как тростинка, с элегантной стрижкой на темных блестящих волосах и с огромными синими глазами, которые сияли на ее лице, как два драгоценных сапфира. Девушка остановилась в нерешительности и взглянула на Татьяну, но инициативы не проявила. Тут же оживился Эдик и громко заявил:

– Лика, а вот и моя дорогая сестра! Таня, познакомься. Это Лика.

– Очень приятно, – глухо сказала Татьяна, – слышана уже.

При этом она подошла к девушке и неловко протянула ей руку.

– Здравствуйте, Таня. Я очень рада вас видеть, – Лика поспешно пожала протянутую ей руку, а затем обернулась к Елизавете Тимофеевне и спросила: – мама, можно садиться за стол?

Встреча с родными состоялась и начался семейный обед. Все болтали без умолку, особенно Эдик. Мама во всем поддерживала его, Лика соглашалась со всем, о чем он говорил, и лишь Татьяна все больше отмалчивалась, она чувствовала себя совершенно чужой и потерянной в этом домашнем обществе.

– Таня, ку-ку! – вдруг сказал слегка опьяневший Эдик и протянул к ней бокал с вином. – Не грусти, сестренка. Мы тебя быстро на ноги поставим, – продолжал балагурить он.

Татьяна улыбнулась и протянула свой бокал, хотя пить вино ей совсем не хотелось, да и водка в хрустальном графинчике совсем не радовала глаз. Она вспомнила хмельные лица женщин у себя в камере, их дотошные приставания на предмет выпить, а точнее, «почифирить» с ними на брудершафт, иначе она их не уважает, а за неуважение штраф в виде всяких доносов и тычков, и ей стало не по себе.

Тем не менее, она пригубила вино, которое было очень терпким, горьковатым на вкус и тягучим, как кровь.

– Это марочное сухое из Франции. Лика привезла. Нравится? Из каких-то особых виноградников.

– «Шато де Параншер», – авторитетно сказала Лика и добавила многозначительно: – из хорошо известной во Франции винодельни.

– Тысяч пять, наверное, не меньше за бутылку, – наобум сказала Татьяна и попала в точку.

У Лики округлились глаза, а Эдик сразу оживился и подхватил:

– Моя сестра знает толк во всем, и в хороших винах тоже. Ты права, Танюша, четыре с лишним тысячи рублей за бутылку, но у нас здесь такого днем с огнем не сыскать, разве что в эксклюзивных столичных магазинах. Сама понимаешь, это не ширпотреб.

Татьяна не стала продолжать неинтересный ей разговор, но тут в беседу вступила мама.

– И что ты теперь собираешься делать, Татьяна? Какие планы? Надо как-то устраиваться и руки не опускать. А в первую очередь привести себя в порядок.

– Я в порядке, мама. Не волнуйся за меня. Надо все обдумать. Какие у меня могут быть планы в данную минуту? Буду искать жилье, работу.

Повисло молчание. Все уткнулись в свои тарелки и продолжили трапезу, в конце которой вдруг снова оживился Эдик.

– Я думаю, настала пора убрать все со стола и приготовить наш фирменный чай с бергамотом, а к нему подать и торт. Как вы на это смотрите? Лика, помоги маме, а мне надо с Таней поговорить.

Брат с сестрой вышли на балкон, и он протянул ей золотистую пачку каких-то душистых сигарет, но Татьяна отказалась.

– Я же не курю, ты ведь знаешь.

– А я думал, что ты там этому научилась, там же без курева никуда, во всех фильмах...

– Хватит ерунду говорить, – прервала его Татьяна, – давай лучше по существу. Ты говорить со мной хотел. Что-то дельное?

Эдик осекся на полуслове, закурил свою пахучую сигарету и наконец сказал:

– Давай так. Поживешь пока у нас, с Ликой вдвоем по дому похозяйничаете. Немного отдохнешь, все взвесишь, а потом начнешь обустраиваться, работу искать, жилье. Я тебе помогу.

– Спасибо, Эдик. Я думаю, мама в обиде не останется. Нам тяжело будет с ней вдвоем, и она это прекрасно понимает.

Чаепитие прошло довольно оживленно. Все хвалили великолепный торт Лики, вкусный, воздушный, легкий и хрустящий.

– Это меня один французский кондитер научил, дал мне рецепт и раскрыл все секреты его приготовления. Таня, хотите я вас научу? – проговорила Лика.

Татьяна слегка опешила от этого вопроса, ей показалось, что Лика прямо сейчас хочет начать учить ее, и ответила:

– Меня? Печь торт? Ну не знаю, может быть.

– Она у нас к кухне не приучена и не приспособлена, – вдруг вставила мама. – Я всегда старалась научить ее хорошо готовить, печь пироги, но она не проявляла к этому ни малейшего интереса.

– Две хозяйки на кухне – это не самый удачный вариант, – авторитетно заявил Эдик. – Лучше одна, но хорошая, а ты, мамочка, у нас самая лучшая. Но вот торты я предпочитаю Ликины, не обижайся только.

Елизавета Тимофеевна слегка пожала плечами и одобрительно глянула на невестку. Та улыбнулась ей в ответ и тихонечко проговорила:

– Не обращайтесь на него внимания. Лысец, каких мало, сладкожка к тому же.

И все, казалось, было хорошо и по-домашнему. Приятная атмосфера, вкусная еда, крахмальная скатерть, свечи в канделябрах, красивые шторы на окнах, мама, брат, все такие улыбочивые, красивые, но на душе все равно скверно. Татьяна тихонечко поднялась и вышла из-за стола. Она подошла к огромному трюмо в прихожей и взглянула на свое отражение в зеркале.

Тут же в ее воображении возникла Лика, ухоженная, душистая, чистенькая, в элегантном, обтягивающем ее красивую фигурку платье небесно-голубого цвета, счастливая и улыбающаяся, с ямочками на щеках. А она, Татьяна, выглядела на этом фоне весьма плачевно. Кожа на лице имела сероватый оттенок, под глазами синие круги, едва заметные, но все же некрасивые. Губы сухие совсем. Волосы лежат как попало, руки грубые, ногти поломаны. А у Лики первоклассный маникюр с густым темно-бордовым перламутром.

– Господи, как же из всего этого выбирать? – тихо проговорила Татьяна, и в глазах снова блеснули слезы.

– Таня, ты куда запропастилась? – услышала она голос брата. – Иди сюда. Мы с мамой обговариваем твой переезд к нам.

Эдик отодвинул массивную бархатную штору, отделяющую прихожую от гостиной, и предстал перед Татьяной, рослый, фактурный, во всей своей красе. Она взглянула на брата, улыбнулась ему через силу и снова вернулась к столу.

– Итак, мы с Ликой посоветовались и решили, что ты лучше поживешь у нас первое время, да, мама? Ты ведь не против?

– Ну пусть Татьяна сама решает. У меня есть свободная спальня, но ты же сказал, что Лике нужна помощница по дому. А я и сама неплохо справляюсь.

– Ну вот и решили. Сегодня она переночует здесь. Завтра с утра за ней заедет Лика, и они отправятся по своим женским делам: маникюры, педикюры, бутики. А после обеда вернутся к нам. Идет?

На том и порешили. Татьяна в разговор не вступала, как будто речь идет не о ней. Она лишь согласно покивала и тихо произнесла какие-то слова благодарности. Вскоре Эдик с Ликой ушли, девушка ловко подхватила связку ключей и сказала:

– Я за рулем, у меня на совести всего полбокала вина за весь день, а ты сегодня расслабился, много выпил, так что не спорь!

– О чем речь, Анжела, конечно ты веди машину, Эдик не в том состоянии, чтобы садиться за руль, – проговорила на прощание Елизавета Тимофеевна и чмокнула невестку в щеку, а сына одобрительно похлопала по плечу.

– Значит, ее зовут Анжелика? – спросила Татьяна, когда за молодой веселой парой захлопнулась дверь.

Но мать ее вопрос проигнорировала и отправилась на кухню, чтобы заняться посудой.

– Помощь нужна? – спросила Татьяна, стоя в дверях.

Мать снова промолчала, но минут через пять вдруг неожиданно заговорила:

– Я не собираюсь, Таня, притворяться ни радостной, ни скорбящей. Ты понесла наказание, мне очень жаль, но всему приходит конец. Теперь ты должна четко расставить все приоритеты и начать жить заново. Ты прекрасно понимаешь, что у тебя нет ничего, совсем. Ты в нулевой точке. Пусть Эдик тебе поможет на первых порах, у него больше возможностей, чем у меня. Но рассчитывай все же на себя. У него семья.

– Я заметила, – проговорила в ответ Татьяна. – Спасибо за советы, мама. Где мне лечь?

Елизавета Тимофеевна отвела дочь в маленькую спальню, в которой она спала в детстве и со словами «спокойной ночи» вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Поцелуя в щеку непутевая дочь, наверное, не заслужила, ну и ладно. Теперь в семье есть удачливая и красивая Лика, жена любимого сына, на нее материнские нежности распространялись. А она, Татьяна, как ложка дегтя в бочке меда или старый чемодан без ручки, бесполезный, но и не выбросишь же! Пусть пылится где-нибудь на антресолях, там ему, бедолаге, и место.

С этими грустными мыслями несчастная женщина укуталась теплым пуховым одеялом, удобно устроилась, как в гнездышке, и тут же заснула.

2. Начало новой жизни

Утро выдалось на редкость солнечным и приятным. За окном был слышан шум проезжающих машин, щебетанье птиц, а легкое дуновение ветерка слегка шевелило шторы, закрывающую окно с открытой форточкой. Все, как в детстве. Таня так же просыпалась по утрам, под те же звуки, только в другом настроении. Она быстро выскочила из теплой уютной постельки и сделала зарядку, эта привычка появилась у нее там, в другом мире, а может быть и в другом измерении, как сейчас модно говорить.

Затем она прошла в ванную и вновь оглядела себя в зеркале. Уже получше, лицо не осунувшееся, на щеках легкий румянец. Татьяна приняла освежающий душ и привела голову в порядок, хотя ежик есть ежик, с ним особо не пофантазируешь. Но лучше все же, когда голова напоминает пушистый шарик, чем колючую щетку.

Она вышла на кухню и застала там маму, которая пекла блинчики. Та глянула на дочь через плечо и проговорила своим серьезным до нельзя голосом:

– Проснулась? Садись за стол и наливай кофе. Я тебе оладьей сейчас положу. Если хочешь сметану, возьми в холодильнике.

– Спасибо, мама, я с вареньем. А можно мне чай?

Завтрак прошел в тишине, Елизавета Тимофеевна покормила дочь, а сама обошлась лишь чашечкой крепкого кофе, который Татьяна терпеть не могла. Мама об этом знала, но всегда предлагала ей именно кофе, с самого детства.

Обстановку разрядил приезд Лики. Та влетела в дом, как майский мотылек, этакая радостная щебетунья. Она с удовольствием позавтракала, съела изрядную кучку блинчиков со сметаной и с медом и выпила мамин фирменный кофе.

– Как всегда, бесподобно! Очень вкусно, спасибо, мама. Ну что, Таня, поехали? У нас много дел сегодня.

Елизавета Тимофеевна проводила их у порога. Пока Татьяна переодевалась в свою ничемную одежду, ее мама очень тихо переговорила с невесткой о чем-то, на что та ответила:

– Да, я понимаю, но вы не переживайте так! Все образуется. Все у Эдика под контролем.

– И зачем ему это все, – услышала Татьяна, входя в прихожую, и единственным ее желанием было поскорее уйти отсюда, покинуть этот теплый, ухоженный дом и попрощаться с мамой.

Она неловко приобняла ее, поблагодарила за ночлег, на что мать лишь пожала ее руку выше локтя и сказала:

– Держись, дочка.

Вместе с Ликой они спустились во двор, и Таня все же не удержалась, взглянула на балкон. Но мамы там не было, ни на балконе, ни у окна. Наверное уже на кухне, моет посуду и убирает со стола.

– Ну что, поехали? – щебетнула Лика и надела красивые солнечные очки.

Татьяна уселась на заднее сиденье, и выслушала план действий.

– Сначала едем в салон. Там у нас массаж, маникюр и педикюр, ну и укладка. Стричься ведь не будем? Кое-что только выровнять и уложить феном по-хорошему. Ну а затем, уже красивую, повезу тебя в наш знаменитый Дом одежды. Там несколько фирменных магазинов, подберем тебе вещи на все случаи жизни.

Татьяна слушала Ликю, и какой-то неприятный холодок будто окутал ее изнутри. Ее куда-то везут, разработали план действий, собираются отмывать и одевать, будто она неодушевленный предмет, кукла, или больная и совсем уж неспособная на самостоятельные действия. Было странно ощущать себя в роли ведомого колеса, но другого ей ничего на данный момент не светило, с этой участью надо было смириться.

– Ли́ка, ты извини, но это же наверное стоит огромных денег, – высказалась наконец Татьяна. – Мне как-то неловко.

Но девушка лишь усмехнулась в ответ и сказала:

– Таня, наша задача сейчас все поставить на свои места. У тебя внутри сумбур, это потому, что ты потеряла себя, свою замечательную женскую привлекательность, у тебя выбили почву из-под ног. Мы с Эдиком решили сделать все, чтобы помочь тебе вернуться в прежнее русло. Когда ты вновь увидишь себя прежнюю, молодую и красивую, у тебя крылья вырастут за спиной! Ты захочешь жить и двигаться по жизни дальше. Твое теперешнее состояние пройдет, поверь мне.

– Ли́ка, спасибо, конечно. Но я не думаю, что все так просто. Умылась, причесалась, нарядилась – и я уже в порядке. Наверное, мне нужно что-то еще. Душа молчит, никакой ответной реакции на весь ваш позитив.

– Ничего, не переживай. Это пройдет, все пройдет, и это тоже. Я же надеюсь, ты не собираешься мстить своим недругам, из-за которых ты пострадала. Освободись от негатива и почувствуешь себя намного лучше. А если не получится сразу, то я могу отвести тебя к психологу. У меня есть один знакомый, скульптор человеческих душ. Он быстро поможет тебе разобрататься со своими внутренними противоречиями. Ну все, мы приехали.

Татьяна нехотя выбралась из удобного авто и неуклюже поплелась вслед за красивой Ли́кой к сверкающим дверям салона красоты под названием «Мадам Люкс».

Встретили их более, чем доброжелательно, небольшая процедура оформления, и вот она уже в массажном салоне, на удобном столе, в комнате царит сиреневатый полумрак и играет чуть слышная, немного вибрирующая музыка. А пахнет как! Какими-то чудесными благовониями, которые источают свой тонкий аромат, наполняя им эту волшебную комнату.

Татьяна отключилась от окружающей ее обстановки и, почти уже засыпая, вдруг снова вспомнила свою ужасную тюрьму, обшарпанную душевую, в которой всегда воняло дешевым мылом и грязными мочалками, и ее чуть не стошнило. Она быстро открыла глаза, и окунулась в этот чудесный, нереальный мир звуков, запахов и ощущений. Нежные руки массажистки ласкали ее тело, теплое, пахучее масло под ее руками покрывало кожу будто нежным шелком.

«Все! Забыть, не вспоминать, все осталась там, за железной решеткой прошлого, и больше никогда ее не достигнет. Никогда!» – вновь внушила себе Татьяна и впала в легкое забытье.

Проснулась она от нежного прикосновения к ее плечу. Девушка с восточной внешностью уже закончила массаж и, приятно улыбаясь, протягивала полотенце.

– Пройдите в душ пожалуйста, – проговорила она с легким акцентом, и Татьяна нехотя повиновалась. Так бы спала и спала на этой кушетке, забыв обо всем на свете!

Затем, надев на себя пушистый махровый халат, она проследовала в следующий зал, на обработку своих ужасных и запущенных ногтей, которые в итоге преобразились до неузнаваемости. На ее пальцах теперь искрился невиданной красоты розоватый лак с блестками, и кожа рук приобрела давно забытую бархатистость. Затем ей наложили маску на лицо, странную, зеленую, пахнущую водорослями.

– Это последний тренд, – авторитетно заявила мастер, – с глубоким увлажнением. Ваша кожа немножечко пострадала. Вы не геолог, случайно?

– Что-то вроде этого, – уклончиво ответила Татьяна и замолчала, прикрыв глаза.

Затем маску смыли, помассировали лицо с мягким кремом, имеющим слегка рыбный запах, после чего протерли лицо лосьоном и наконец наложили душистый, пахнущий персиком крем.

– Макияж не желаете? – участливо спросила мастер, но Татьяна отказалась. Не все сразу. Лицо и так преобразилось, засияла кожа.

Теперь к парикмахеру. Ей казалось, что прическу-то вряд ли можно изменить, волосы очень короткие, но парикмахер тоже оказалась мастером своего дела. Она изменила цвет ее красновато-коричневых волос, и они стали теперь темно-русыми с пепельным отливом. Привела в порядок затылок и уложила ежик так красиво, что он перестал походить на мальчишеский, а приобрел весьма стильную форму, придав лицу совсем другое очертание.

Лица была в восторге:

– Красота, да и только! Таня, ты довольна? Посмотри на себя, ну?

Таня конечно же была довольна, в первую очередь, она отдохнула душой и телом, как говорят, и немного отошла от своих тяжелых мыслей. Вот только надолго ли?

Одежду и обувь выбирали тщательно. Цифры, красующиеся на ценниках этих невиданных ранее вещей, приводили Татьяну в ужас. В той, прежней своей жизни, она одевалась весьма элегантно и дорого. Но не настолько же!

– Брось, не бери в голову. Эти цены вполне демократичны и доступны. Поверь мне, – сообщила Лица и выбрала несколько вещей для примерки.

Наконец все было закончено, покупки упакованы в весомые престижные пакеты и загружены в багажник.

– Ну а сейчас ланч, и затем поедем домой, – сказала было Лица, но ее спутница наотрез отказалась.

– Нет, я так никуда не пойду. Если бы я знала, что пойдем в кафе, то переделалась бы в примерочной. Ну куда я в таком виде? Нет, Лица, поехали домой. В следующий раз, ладно?

Девушка изобразила шутливую недовольную гримаску на своем лице и направилась к машине.

– У нас дома поесть особо нечего, только перекусить, – сказала она.

Но Татьяна не обратила на это никакого внимания, ну подумаешь, нечего поесть.

– Чаю попьем, – сказала она, а Лица лишь передернула плечиками.

К дому подъехали сравнительно быстро. Он располагался в живописном, довольно зеленом месте. Деревья с высокими кронами, кустарники, дорожки, вымощенные кирпичом. Везде было чисто, новые дома, черепичные крыши, красивые витиеватые фонари вдоль улицы. Как в сказке.

Татьяна смотрела по сторонам и любовалась этой красотой. Она конечно и раньше слышала о так называемых коттеджных поселках, но никогда в них не была. Она опять позавидовала брату. Молодец все-таки Эдик, все у него сложилось в жизни, как-то умудрился он выстроить эту жизнь самым наилучшим образом.

Хотя в институте он учился кое-как, глупым конечно не был, но лентяй, каких мало. Все курсовые и даже диплом писала за него Татьяна. Они вместе учились на экономическом, и ей приходилось работать за двоих. В институте эту пару близнецов, брата и сестру Садовских, хорошо знали, и большинство преподавателей отлично понимали, кто из них двоих учится, а кто просто стремится корочку получить, но закрывали на это глаза.

Эдик был всегда любимчиком как преподавателей, так и декана, и даже ректора, наверное за его триумфальные победы на различных спортивных соревнованиях. Но спортсменом он стать не стремился, ему нужен был престижный диплом, поэтому он и тянулся к нему изо всех сил, но с помощью своей усидчивой и старательной сестры.

– Ну все, приехали, – сказала Лица и припарковала машину у красивых чугунных ворот. – Пошли перекусим, отдохнем немного, и я за Эдиком поеду. А ты пока ужин приготовишь, идет?

Татьяна согласилась, выхода у нее все равно не было, хотя она уже так давно ничего не готовила, что слегка заволновалась.

Дом был просторным и светлым. Двухэтажное строение с кухней, столовой и гостиной внизу, двумя спальнями и кабинетом наверху. Лестница на второй этаж была изогнутой, с лаки-

рованными перилами, очень красивая. Татьяна смотрела по сторонам, на светлые стены с картинами в элегантных серебристых рамках, на ажурные, будто сделанные из льдинок люстры, на красиво выложенный паркет, и у нее стало так хорошо на душе, как будто вдруг отлегло, и тяжесть отступила.

«Неужели это правда, я теперь здесь, в этом раю, а еще вчера утром я умывалась холодной водой, текущей тонкой мутной струйкой в жестяную проржавевшую раковину? Неужели все позади?» – размышляла несчастная женщина, как ее снова позвала Лика.

– Таня, пойдем я тебя в спальню провожу, забирай свои вещи и иди переодеваться. А я подожду тебя в столовой.

С этими словами они поднялись на второй этаж, и Татьяна снова вздохнула полной грудью приятный и свежий воздух той уютной комнаты, куда ее привела Лика.

– Вот, располагайся. Ванная комната, правда, одна, но туалета два, один на этом этаже, а второй в прихожей у входа, дверь справа.

Татьяна осмотрелась вокруг, обстановка ее спальни была очень милой, мебель цвета слоновой кости, довольно просторная кровать, покрытая шелковистым стеганым одеялом, на полукруглом окне такая же штора, у прикроватной тумбочки красивый торшер, тоже с льдинками-висюльками.

Татьяна раскрыла пакет и достала оттуда бирюзовые брючки и легкую футболку с бирюзовыми и белыми полосками. Аккуратно оторвав внушительные ценники, она облачилась в новое красивое белье, сплошной шелк и гипюр, и надела брючки с футболкой. Затем подошла к зеркалу и обомлела. Красота-то какая! Фигура стройная, а не тощая, грудь красиво подтянута, волосы вообще чудо. Она смотрела на себя и в груди у нее защемило от радости, легкая такая, покалывающая боль, но приятная, от избытка эмоций наверное.

Она быстро спустилась вниз, где ее уже поджидала Лика. Та прижала руки к груди и восторженно произнесла:

– Боже праведный, красавица, каких свет не видел. Чувствуешь уже крылья за спиной или ликерчику налить? Амаретто любишь?

Татьяна улыбнулась, подошла к Лике, обняла ее и сказала:

– Спасибо тебе за все, девочка. Я приду в себя, я обещаю.

Затем они сели за накрытый Ликой стол, на котором красовались нарезки всех мастей, включая семгу, стояли тоненькие тарелочки с золотым ободком и маленькие хрустальные рюмочки размером чуть больше наперстка.

– Ну давай, за тебя, за твою новую жизнь. Ты пей сколько хочешь, а я всего одну. Мне за Эдиком ехать часа через полтора.

После перекуса Лика отправилась к себе в спальню, чтобы отдохнуть, а Татьяна вышла во двор. Дом окружал небольшой сад, кругом росли цветы, было видно, что за садом кто-то ухаживает. Ни сорняков, ни пожухлой травы. Все в полном порядке. И даже прудик имелся, совсем крохотный, в нем плавала одна единственная лилия, но все же удалось разглядеть, что она искусственная. Но хороша, сразу и не поймешь.

«До чего же здесь здорово», – вновь подумала Татьяна и неспешной походкой по узкой тропинке направилась обратно к дому.

Брат, вернувшись с работы, сразу же набросился на преобразившуюся сестру с комплиментами, хотя выражался не очень высокопарно. Сказал, что выглядит она теперь совсем как раньше, что его, мол, порадовало, но нисколько не удивило.

К его возвращению Татьяне все же пришлось приготовить ужин, пожарить картошку с грибами и запечь курицу в духовке. Получилось так себе, суховато и не очень вкусно. Но с салатом из свежих овощей прошло на ура. Эдик был очень голоден, с утра ничего не ел, на обед времени не хватило. Лика тоже проголодалась, так что съели и похвалили, а может быть лишний раз расстраивать не хотели.

После ужина, за чашечкой кофе с ликером, Эдик позвал «милых дам» в гостиную и торжественно вручил сестре подарок, мобильный телефон, который он только что приобрел.

– Вот, это от меня. Он тебе необходим, как воздух. И с нами будешь на связи, и новым работодателям твой номер телефона будет нужен. Уже определилась, куда обращаться будешь?

– Спасибо, Эдик. Вы оба очень добры ко мне, конечно. Но я чувствую себя теперь обязанной и не знаю, когда и как расплачусь за вашу доброту.

– Ладно, расплатишься. Не переживай об этом. Итак, какие мысли насчет работы?

– Никаких. Куда мне идти с моим послужным списком? Последнее место работы – обанкротившийся, мягко говоря, банк, обокравший своих клиентов. Я являюсь главным участником всех этих событий, о чем другим банкам доподлинно известно. Значит, во все финансовые структуры мне дорога закрыта.

– Понятно. А как насчет бухгалтерии какой-нибудь? У нас в соседнем магазине требуется бухгалтер. Хочешь, я поговорю?

– А что за магазин? Меня туда разве возьмут после заключения?

– Обычный хозяйственный магазин, частная лавочка. Хозяина я знаю, поговорю с ним, объясню, что к чему. Хочешь?

Татьяна долго не раздумывала, надо же с чего-то начинать. Только вот бухгалтерия за эти годы претерпела изменения, надо бы подучиться.

– Ничего, курсы пройдешь онлайн. Это плевое дело для экономиста с высшим образованием.

– Ну не скажи, – парировала Татьяна. – Надо подучиться основательно.

– Ну вот и давай, без отрыва от производства, так сказать. Днем работать, вечером учиться. Компьютерную обучающую программу я тебе куплю и курсы оплачу. Ну что, согласна? Тогда я завтра же с ним поговорю. Нечего тянуть.

– Подожди, а как же помощь Лике по дому? Сам же сказал...

– Да ладно, это я для мамы аргумент выдвинул. Чтобы ей было спокойнее родную дочь из дома выпроводить, а то бы совесть ее мучила.

– Понятно. Ладно, поговори со своим знакомым. Если не побоится меня взять, то я согласна.

– А я за тебя поручаюсь. Сестра все-таки, а не какая-то там подружка.

3. Судьбоносная встреча

Хозяин магазина, полный и неприветливый на вид мужчина по имени Анатолий Иванович, принял Татьяну в своем, так называемом, кабинете, а точнее, в захлавленной комнате, забитой всякими ящиками, картонными коробками и какой-то непонятной утварью. Сам магазин располагался в цокольном помещении жилой пятиэтажки и выглядел совсем непрезентабельно. Вывеска на стене дома у зашарпанной лестницы, ведущей вниз, к дверям магазина, гласила: «Хозтовары. Все для дома, дачи и пр.»

Что может означать «пр», Таня не совсем поняла, но спросить не решилась. Скорее всего, это означало «прочее», но что именно прочее, это оставалось загадкой.

Пахло в магазине тоже не очень приятно, чистящими и моющими средствами, промасленной бумагой, ацетоном и краской. Такой коктейль запахов шибал в нос, и от него першило в горле и пощипывало глаза. После того, как Таня пару раз чихнула, Анатолий Иванович спросил с подозрением:

– Ты не аллергик? Тут у нас с этим не очень. И недели не выдержишь.

– Нет, все нормально. Просто с непривычки, – ответила Татьяна и поинтересовалась, есть ли у нее свое рабочее место.

– Ну вот еще, – ответил хозяин. – Рабочее место у нас с тобой одно на двоих. Вот стол, вот сейф, а вот шкаф с папками и документами. В них черт ногу сломит. Последний мой бухгалтер пил до зеленых чертей, а пьяный много не наработает, сама понимаешь. Хотел нанять просто проходящего, чтоб только отчеты составлял, да с налоговой разбирался, но тот столько запросил за услуги, что я чуть с дуба не рухнул. Две моих месячных зарплаты.

– А сколько вы мне платить собираетесь? – без обиняков спросила Татьяна.

– Не знаю, – тоже без затей ответил наниматель. – Давай так, ты начни пока, поразбейся с документами, сведи концы с концами. Если что не понятно, спрашивай. Отчет за месяц сделаешь, я тебе заплачу, а если еще и квартальный сведешь, тогда премия будет. После этого обговорим твою зарплату.

Татьяна пожалала плечами. Расклад не очень хороший, но другого все равно не светит, выбора нет. Трудовая подпорчена последней записью с вынужденной 33 статьей, вынесенной по решению суда. Прописки нет, она аннулирована после конфискации имущества. Все это в совокупности делает ее элементарно не пригодной для трудовой деятельности. А в этом хозяйственном магазине должность бухгалтера все же какое-то начало. Трудовую книжку Анатолий Иванович пока не затребовал, и слава Богу.

– Когда мне начинать? – спросила Татьяна.

– Завтра. Но только вот что. Для начала ты выйдешь в торговый зал. Светлана, моя продавщица, идет на аборт в понедельник, ты ее подменишь на два-три дня. Поэтому до понедельника, поработаешь с ней на пару. Она тебе все покажет, сложного тут ничего нет. На кассе работать поучишься. А между делом и документы поразберешь. Все понятно?

– Ну да, в общих чертах. Во сколько приходиться завтра?

– К девяти, а лучше пораньше, пол подметешь, пыль с прилавка вытрешь. Светку тошнит все время, из нее работник сейчас никудышный. Но девка она хорошая, сметливая. Вот, возьми халат для работы домой. Постираешь, погладишь. Жду тебя к половине девятого.

Утром следующего дня Татьяна, как и обещала, пришла в магазин пораньше и встретила с продавщицей Светланой. Та уже принялась за уборку и, быстро познакомившись, попросила свою новую напарницу протереть прилавки и вытереть пыль с полок, заставленных всякой хозяйственной всячиной.

Светлана была полноватой, но весьма проворной женщиной неопределенного возраста, где-то от тридцати до сорока пяти. Жидкие волосы иссиня-черного цвета были завязаны

в кургузый хвостик, перетянутый аптечной резинкой. Но зато на руках маникюр, синие ногти в белую крапинку очень подходили к ее синему халату с белым отложным воротничком, не очень чистым, поэтому заправленным внутрь.

Татьяна в своем отглаженном халате выглядела намного опрятнее и цивилизнее, она принялась за дело, не выразив ни малейшего неудовольствия. Через полчаса торговый зал был готов к приему посетителей, и женщины зашли за прилавок. Особых хитростей в продаже хозяйственных товаров и в обслуживании посетителей действительно не было, Анатолий Иванович оказался прав. Да и самих посетителей было раз, два, да обчелся. В основном старушки, то за мылом, то за дешевым стиральным порошком зайдут. Мужчины же покупали лампочки, электротовары да всякие хозяйственные инструменты, в которых Татьяна не очень разбиралась.

Вопрос одного из покупателей «гаечный на пятьдесят миллиметров есть у вас?» поставил ее в тупик, а Светланы рядом не было, тошнота ее замучила. Ну ничего, справилась, отвела мужчину в отдел с домашними инструментами, он сам нашел то, что ему нужно. Работа нехитрая, чуть-чуть поднатереть нужно конечно, а так ничего, сойдет для начала.

И потянулись ее трудовые будни в этом маленьком затхлом магазинчике, где Татьяна пыталась навести порядок, но надолго его не хватало. Судя по всему, Анатолий Иванович предпочитал порядку полный бардак, и его так называемый кабинет был идеальным в этом смысле. Татьяна устала бороться. Она отвела две полки в шкафу и одну в громоздком старомодном сейфе только для бухгалтерских документов и через два месяца – о Боже! – запросила компьютер.

– Анатолий Иванович, миленький, поймите, никто вручную сейчас бухгалтерией не занимается, есть специальные программы, туда только цифры ввести, а компьютер сам все сосчитает, и баланс сведет, и ошибки выявит, – увещевала начальника Татьяна.

Он слушал внимательно, но при словах «ошибки выявит» глянул на своего бухгалтера зло и недоверчиво.

– Еще чего! Какие такие ошибки он выявит? Не надо нам этого. Ошибки хороший бухгалтер должен так замаскировать, чтобы комар носа не подточил.

– Комар – это в вашем понимании налоговый инспектор или ревизор? Я что-то не пойму, вам бухгалтер нужен или мухлевщик? Я не собираюсь так работать! Может у вас еще и черная касса...

Татьяна не договорила, резкий окрик Анатолия Ивановича прервал ее на полуслове:

– Ну-ну! Потихе тут, какая еще касса черная? Думай, что говоришь.

Затем он вытер несвежим носовым платком свой вспотевший затылок и проговорил почти шепотом:

– Да, есть! Представь себе! Я из чего вам премию должен выплачивать, из собственного кармана? И еще уборщица в штате имеется, а убирает Светка. Зарплата уборщицы тоже между нами делится. Все так делают, очнись. Иначе в нашем бизнесе нельзя.

– Ну знаете! – возмутилась Татьяна. – Вы толкаете меня на должностное преступление. Значит я должна подписывать липовые расчетные ведомости, закрывать глаза на левые доходы и черную кассу. Понятно, почему ваш прежний бухгалтер спился. Нет уж. Так не пойдет. Если хотите, я все тут у вас налажу без подлогов. И зарплаты будут, и премии. Чистая бухгалтерия – чистая совесть. Но мне нужен компьютер! Если нет, я ухожу от вас.

Весь этот разговор состоялся уже после того, как Татьяна закончила и вовремя сдала свой первый квартальный отчет и отчиталась перед налоговой без проволочек, просрочек и задержек. Анатолию Ивановичу даже позвонили и сказали:

– Ну вот, можете, когда с умом подходите к делу. Хорошего бухгалтера нашли. Поздравляем.

Анатолий Иванович скис. Терять хорошего бухгалтера ему конечно не хотелось, но работать он привык по старинке, а Татьяна хочет перевести все на новые рельсы, да еще этот компьютер зачем-то понадобился, ошибки он будет выявлять видите ли! А деньжищи какие за него надо отвалить! Но пришлось смириться. Не прошло и месяца, как в кабинете появился новенький «Делл», приобретенный в рассрочку.

Татьяна ликовала. Дома она неустанно рассказывала брату с невесткой о своей работе, о стычках с начальником, о проворной и смешной Светке, которая в очередной раз засобира-лась на аборт, но при всем при том она всю торговлю держит в своих руках, хотя наверное подворовывает, но на этом ее пока никто не поймал. И вот однажды Эдик вдруг неожиданно спросил Татьяну:

– Скажи мне, сестренка, ты счастлива?

– В смысле? – недоуменно спросила Татьяна. – Я имею работу, получаю зарплату, изучила бухгалтерию, спасибо, что программку мне приобрел, классная между прочим.

– Да я не об этом, – поморщился Эдик. – Ну ты ведь привыкла к хорошим условиям, к интеллигентным людям, коллегам, клиентам. И раньше я тебя такой возбужденной никогда не видел. А сейчас ты работаешь в этом подвале с полуграмотным начальником, с вороватой Светкой и аж светишься от счастья. Вот это я пытаюсь понять.

– Эдик! Прекрати, зачем ты Таню смущаешь? Тебе не кажется, что ты опускаешь ее ниже плинтуса, нет? – вступила в разговор Лика.

Эдуард встал с дивана, налили себе виски в бокал с тяжелым дном и вновь высказался:

– Я наоборот хочу, чтобы она шагала дальше. Все, реабилитационный период прошел, надо возрождаться к нормальной человеческой жизни. Сейчас в новом доме на улице Маршала Жукова квартиры сдают внаем. Какие-то продают, а часть идет в аренду. Прекрасное жилье! Квартиры под ключ, с встроенной мебелью и кухней, финской сантехникой. Купить неподъемно, а вот снять – вполне. Но для этого нужен хороший устойчивый заработок и счет в банке.

Татьяну как кипятком ошпарили. Она наконец поняла, куда клонит Эдик. Пора съезжать. Да и действительно, полгода уже она живет у них с Ликой, задаром. Продукты, правда, покупает и иногда оплачивает коммунальные счета. А вот о собственном жилье ни разу не задумалась.

Но Лика после слов Эдуарда сидела молча, вобрав голову в плечи и обхватив ее руками, а Татьяна, подумав, сказала:

– Эдик, а ты ведь прав. Я чего-то совсем расслабилась у вас, прижилась в тепле и комфорте, а пора бы уже о собственном угле подумать. Слушай, а ты не можешь разузнать, сколько стоит аренда хотя бы однокомнатной квартиры, ну или студии. Вот только со счетом в банке у меня проблема.

– Ерунда! Я открою на твое имя счет и положу туда кругленькую сумму. Потом, попозже, все переоформим. Кстати, арендованную квартиру можно выкупить со временем по остаточной стоимости.

– Ну, до этого еще далеко, как и до самой квартиры. Но подумать есть над чем, – подвела итог Татьяна и направилась к себя в спальню. Проходя мимо Лики, она наклонилась к ней и сказала в самое ухо:

– Не бери в голову. Все нормально.

И со словами «спокойной ночи» поднялась наверх.

День клонился к вечеру. За огромным окном уличного кафе моросил осенний дождь, а сквозь тяжелые, набухшие тучи проглядывало серое сумрачное небо. На душе было тоже невесело. Сегодня после обеда Татьяна сообщила Анатолию Ивановичу о том, что собирается уходить.

– Вы поищите пока кого-то другого, я подожду, но не позднее нового года. Если до той поры никого не найдете, то мне все равно придется покинуть вас с первого января. Но с годовым отчетом я помогу, если нужно будет. Обещаю.

Анатолий Иванович такому известию рад не был.

– Ну это никуда не годится, Татьяна! Мы с твоим братом договаривались, что ты будешь у меня работать. На такой срок я тебя не брал бы совсем. Я ему по дружбе сделал одолжение, взял тебя со статьей и без прописки, а ты теперь мне кидалово устроила? Думаешь тебя с твоими «регалиями» с руками расхватают?

– Анатолий Иванович, миленький, ну не сердитесь. Я не от вас ухожу. Мне просто деньги нужны, заработок хороший, квартиру надо покупать. Не могу же я у брата всю жизнь жить!

– Я тебе найду дешевое жилье, снимешь комнату на первых порах. А хороший заработок, моя дорогая, тебе вряд ли найти. Ну разве нелегальный, полукриминальный какой. Опять туда захотела? Ты за что сидела-то?

Татьяна опешила. Она надеялась в глубине души, что ее начальник не в курсе ее прошлого, но, как оказалось, она глубоко ошиблась.

– За дело, и свое отработала потом и кровью, – ответила она зло. – А если вас подробности интересуют, то в них я вдаваться не собираюсь.

– Ишь ты, гордая. Ладно, иди проветрись, подумай хорошенько, на что себя толкаешь и на что меня обрекаешь. А твоему брату я все выскажу.

– Да он-то здесь при чем? Ладно, уйду я сегодня пораньше, Светлана там одна справится. А вы все-таки начинайте бухгалтера искать.

И вот теперь она сидит в кафе и обдумывает этот невеселый разговор. На столе нетронутое заварное пирожное на пластмассовой тарелочке, чай, маленький молочник и красивая салфетка с вишнями. В кафе старались обслуживать со вкусом, дешевенько, но чистенько. Но мысли разбегались в разные стороны и в кучу не собирались.

– Танька, ты что ли? Гляньте на нее, люди добрые, красота неземная. Привет, подруга! – услышала она зычный голос и резко обернулась.

Рядом с ее столиком стояла в пух и прах размалеванная девица в мини-юбке, сапогах выше колен и в бежевом клетчатом плаще, который для окружающих должен сходить за крутой от фирмы Барберри. В руках блестящая черная сумка от совсем неизвестного дизайнера.

Татьяна растерялась. В первую минуту она девицу не узнала, но, когда та бесцеремонно уселась за ее столик и закинула ногу на ногу, сверкнув дырой на колготках, она тут же вспомнила ее.

– Женька! Привет, прости, не узнала.

– Ну еще бы! – гордо сказала та. – Я три месяца, как откинулась, а уже и не узнать. Прикинь!

– Женя, потише. Не надо, чтобы о такой красотке думали плохо. Пусть считают, что ты светская дива, – слукавила Таня, но это не возымело большого действия, так как Женька опять возопила:

– Тю, да мне как-то фиолетово, кто и что считает. Главное, чтобы не обсчитывали, – сострила она и зычно захохотала.

Наконец девица успокоилась, притихла и заказала чашку капучино и бокал красного вина.

– Ну рассказывай давай, где, что, с кем? – поинтересовалась она, сделав большой глоток и ополовинив бокал с вином.

Татьяна робко поделилась новостями, рассказала, что живет с братом, работает в магазине бухгалтером.

– Не хило, – заключила Женька. – А я нигде не работаю. Живу пока с родоками. Батя дальнбойщик, маманя пивом торгует, денег у них куры не клюют. Сиди, говорят, Женька,

и не высовывайся. А то опять куда-нибудь вляпаешься, – и девица снова загоготала на все кафе. – Я-то первый раз по малолетке попала. Киоск мы грабанули, моя маманя рядом с ним работала, а они ее гнали, а точка клевая была. Ну мы и решили этих жмуриков наказать. Разгромили их, пиво, сигареты позабирали, а их паленую водку всю дочиста переколотили. Но попались. Бывает.

– И что теперь собираешься делать? – спросила Татьяна, чтобы сменить тему разговора.

– Замуж иду, – не замедлила с ответом Женька. – Мужик у меня появился. Папашин напарник, но молодой, еще и сорока нет. Вот, шмотки мне привозит, все заграничное, прикинь!

– Да я уж вижу, – сказала Татьяна и, допив свой чай, собралась было уходить. Но Женька остановила ее.

– Слушай, я помню ты в тюрьге говорила, что твой брат каким-то старьем торгует. У моей мамашки иконка завалилась, так, дрянь вещица. Но может он взглянет? А вдруг ценное чего. Не подсобишь по старой дружбе?

– Я не знаю, Женя. Я спрошу.

– Ну вот и славненько. На вот мой телефон, позвони, я подгребу.

И Женька написала на салфетке с вишнями номер своего мобильного телефона, предвзительно вытащив его из сумки и продемонстрировав Татьяне, как редкую реликвию.

– Мой ссыкун подарил, – прокомментировала она и добавила, – он росточком-то не вышел, но там, где надо, все как надо, сечешь?

Женька вновь заржала, а Татьяна, скомкав салфетку с номером телефона и машинально запихнув ее в карман, поспешила удалиться.

Ей было стыдно. За что, почему, она и сама не могла объяснить. Но вот теперь такие вот женьки могут попадаться ей на каждом шагу и общаться с ней на равных. Подруги по несчастью.

Домой она вернулась поздним вечером и в паршивом настроении. Это не ускользнуло от Эдика с Ликой. Они взирали на сестру с терпеливым молчанием, но в глазах стоял вопрос: что случилось?

Татьяна отмалчивалась, сколько могла, но потом решила рассказать своим близким о нежелательной встрече, которая подпортила ей и без того неважное настроение.

Ее выслушали, не перебивая. Затем Лика попыталась успокоить свою подругу словами, типа «не бери в голову», «не обращай внимания» и тому подобное. Но Эдика вдруг охватил азарт, Таня даже пожалела, что рассказала ему про икону.

– Надо глянуть, – авторитетно заявил он. – Иконы сейчас в цене, и на них спрос. А что, если это действительно раритет, достойный внимания? Лика, ты возьмешься разобраться, если что?

Лика неопределенно пожала плечами и спросила:

– Ты что, действительно собираешься связываться с этой Женей?

– С Женей не собираюсь, а вот с ее иконой очень даже. Вы поймите, девчонки, если это какой-нибудь 16—17 век, то ей цены на рынке нет!

– На черном рынке, это во-первых, а во-вторых, ты что, Феофана Грека считаешь найти у этой Жени? Не смей меня, – не отступала Лика, но Эдик был уже во власти своей идеи, и не хотел от нее отступать.

– Танюша, ты телефонами обменялась со своей подругой, я надеюсь? – спросил он, не подумав.

Татьяна возмущенно глянула на брата и парировала:

– Я тебе только что полчаса объясняла, как мне тяжело от подобных встреч! Какая она мне, к черту, подруга? Совсем что ли ничего не понял?

– Извини, извини. Ляпнул, не подумавши, – виновато проговорил Эдик. – И все же, телефон ее есть? Я тебя даже вмешивать не буду. Сам с ней разберусь. Нам с Ликой достаточно

только мельком взглянуть на этот шедевр, чтобы понять, стоит его оценивать или нет. Но если стоит, и это действительно что-то с чем-то, то ты в шоколаде, понимаешь?

– Не понимаю. Каким образом? Женю надуть собираешься?

– Та-а-ня! Ну не будь ты такой наивной. Твою Женю не надуешь, не волнуйся. Она получит столько, что весь век тебе в ножки кланяться будет, и все равно, это будет лишь сотая, а то и пятисотая часть ее реальной продажной стоимости. Смотря что там, конечно.

– Ладно, успокойся. Нет у меня ее телефона, выбросила я, по-моему.

Пару дней спустя, отправившись к маме на обед всем семейством, молодые люди шутили, веселились и решали, что лучше купить к столу, вино или коньяк. Наконец решили и то, и другое, чтобы на любой вкус. Заехали в супермаркет по дороге, и, выйдя из машины, Татьяна сунула руки в карманы в поисках перчаток.

– А это что? – удивленно спросила она и вытащила на свет божий салфетку с номером телефона Жени. Ее одолели сомнения, показывать брату или нет, но симпатичные, сочные вишенки на салфетке тут же привлекли внимание Лики.

– Какая прелесть! Откуда такая красота?

Эдик тоже глянул на предмет обсуждения и все сразу понял.

– Телефончик! А вот и он. Умница, Танюша, давай его сюда. Это ведь Женин, только честно?

– Да Женин, Женин. Бери, если хочешь, но я не буду с этим связываться.

Обед у мамы прошел нудно и совсем невесело, по крайней мере для Тани. Стол был неплохой, мама постаралась, но ее поджатые губы и недобрый взгляд портили все дело. Разговаривали за столом в основном Лика с Эдиком, и все больше о работе. Татьяна отмалчивалась. Ей похвалиться было нечем, а то, что она до сих пор живет у брата с невесткой, маму изрядно раздражало.

Наконец отобедали, попили чаю с пирожными, приобретенными в супермаркете, и засобирались домой.

– А мы Танюше квартиру присматриваем в новом доме! – вдруг весело сообщил Эдик.

– Кто это, мы? Ты и Лика? – спросила Елизавета Тимофеевна, метнув на дочь далеко не материнский взгляд.

– Нет, я и Таня. Она у нас зарабатывает достаточно, чтобы задуматься...

– Эдик, прекрати, – вступила в разговор Татьяна. – Ничего я не зарабатываю, но о жилье задумалась всерьез. Хотя бы о съемном для начала, это правда. Не волнуйся, мама. Мне и самой уже неловко.

– Я думаю. А мне-то как неловко. У матери она не осталась, а у брата с молодой женой жить месяцами – это нормально, да?

– Мама, ну что ты такое говоришь? – заступился за сестру Эдик, а Лика добавила:

– Мамоchка, все нормально. Места-то у нас много, а Таня помогает по хозяйству, я в разъездах иногда бываю, хоть Эдика кормит, и я за него спокойна.

– У нее руки не из того места растут, чтобы готовить и по хозяйству помогать. А кормит она его скорее всего полуфабрикатами, разогретыми в микроволновке.

– Ой, ну все! – попытался закончить разговор любящий сын. – Мамуля, ты не права. И расстраиваешься зря. Все у нас отлично.

– Мама, с посудой помочь? – спросила Лика, но та лишь махнула рукой и сказала:

– Сама справлюсь.

Все засобирались домой. У Татьяны в горле стоял тугой болезненный ком, и, чтобы не разрыдаться, она старалась проглотить его, но это удавалось с трудом и вызывало лишь спазмы в горле.

– Ну что она за человек за такой? – спросил Эдик, усевшись в машину. Весь обед испортила своими занудством.

– Э-эдик! – предупредительно проговорила Лика. – Не обсуждают людей за глаза, тем более, родных.

– Да ну ее! Таня, это она не на тебя, а на себя злится, что не смогла пригреть и принять по-человечески свою родную дочь. Гордость ей не позволяет, надо, чтобы ты в ногах у нее валялась и умоляла. Тогда бы она снизошла.

– А давайте не портить наш выходной, – вновь вступила в разговор Лика. – Мама женщина с принципами. Не будем к ней очень строги. Нам разве плохо втроем? Замечательно, по моему. Ну и все. Будем жить, как жили.

– Да нет, Лика, – наконец заговорила Таня. – Права она. И любой посторонний скажет, что права. Но ситуация у меня пока патовая, и выхода я не вижу, честно говоря, поэтому придется еще немного подождать. И опять же, спасибо вам, ребята. Вы классные, правда.

4. Клад

Татьяна вернулась с работы и никого не застала дома. Обычно Эдик с Ликой возвращались не позднее восьми, а шел уже девятый час, значит, они где-то задержались. Татьяна приготовила нехитрый ужин, отварила вермишель и залила кипятком сардельки, сварить их дело десяти минут, так что можно подождать прихода хозяев. Но ждать пришлось долго, они появились уже в половине одиннадцатого, с озабоченными лицами, и вошли в дом, что-то возбужденно обсуждая.

– Эдик, это бред. Не может быть у ее мамы этой иконы, ну никак не может, понимаешь!

– О! Танюха, привет! – сказал Эдик, заметив сестру. – Ты не поверишь, мы, по-моему, нашли золотое яичко.

– То есть? – переспросила Татьяна.

Лица сняла куртку и сапоги, глянула на себя в зеркало, поправила волосы и только после этого появилась в гостиной, розовощекая и с сияющими глазами.

– Вы чего такие возбужденные оба? Что случилось?

– Да это Женя твоя... ну, знакомая, я имею в виду, – сказала Лица, пока Эдик поднялся наверх. – Мой муж неугомонный все же позвонил ей, договорился, а сегодня после работы, даже не предупредив меня, куда едем, отвез на встречу с ней.

– Понятно. Ну этого и следовало ожидать. У моего брата чутье на то, что можно купить задарма, а продать втридорога. Ну и как? Действительно икона или мазня доморощенного живописца?

– Не знаю, Таня. Выглядит все очень странно. Иконная доска однозначно старинная, по-моему это кипарис, и задняя сторона иконы впечатляет, и шпонки, ну это крепления такие, они тоже весьма староваты на вид. Но изображение лика самого святого мне не внушает доверия.

– Почему? Что с ним не так?

– Ну понимаешь, существует определенная техника как грунтовки, то есть нанесения так называемого левкаса, ну как тебе объяснить... это такое меловое покрытие, а затем само изображение, которое для закрепления и долговечности покрывалось олифой. Ни того, ни другого я не смогла рассмотреть. Олифы никакой точно нет, а лик святого будто простыми масляными красками написан. Ерунда какая-то.

Спустился Эдик и присоединился к разговору.

– Я не отчаиваюсь пока. Дерево старинное, так что это уже о многом говорит.

– А где она, можно мне на нее взглянуть? – спросила Татьяна.

– Да нет, мы ее тут же Марку Андреевичу отвезли, это наша палочка-выручалочка. Он в этом вопросе профессионал, Лица, скажи.

– Нужен хороший анализ знатока, а Марк Андреевич признан даже в «Доме Антиквара» в Москве. Он разберется.

– Ну а Женя что говорит? Какую историю она вам рассказала, откуда у нее эта икона?

Эдик и Лица глянули друг на друга и прыснули.

– Да уж, эта Женя просто уникам. Я ей позвонил сегодня утром, представился, а она как завопит в трубку: «А, Танькин брательник! Говори, куда, еду!» Я говорю, нет, не сейчас, давайте вечером в кафе «Поляна». У них там отдельные кабинеты есть для частных встреч, ну я заказал такой кабинетик, и мы с Ликой приехали. Заходит, уселась наша визави. Вся такая «прости господи» из себя, но с апломбом.

– Эдик, давай уже по существу, – не выдержала Лица. – Короче, села, достает из сумки сверток, завернутый в вафельное полотенце. Вот, говорит, у мамашки моей на антресоли пылится, мать тряндит, что от ее бабушки досталась. Жаргон убийственный.

Эдик продолжил:

– А я уточняю, а бабушка из каких краев будет, не знаете. А она мне: «Тю, чего же не знаю, из-под Винницы мы все родом. Только бабуля моя, с Украины давно слиняла, сразу после войны, вышла замуж за моего деда, кубанского казака. Потом мамашка родилась, так что иконке этой, говорит, лет сто. Я и интерес всякий потерял. Но Лика посмотрела внимательно и так ей авторитетно заявляет: «Нам надо ее по-хорошему рассмотреть, с лупой (я чуть под стол от смеха не упал), а потом, мол, мы вам скажем, сколько она стоит».

– А Женья что? Неужели согласилась вам ее отдать?

– Ну как же, согласилась она. Задаток потребовала, сто долларов. И спросила при этом, сколько она может стоить. Я ляпнул наобум долларов пятьсот, тогда она еще запросила, но я отказал. Говорю, что не знаю, мол, продам ли я ее, и пока истинную ценность не установлю, разговаривать не о чем.

– Ясно. Дерево старинное, шпонки какие-то, но на нем мазня. Нет, вряд ли это что-то ценное, – высказала свое некомпетентное мнение Татьяна, но Лика с ней не согласилась.

– Во-первых, сама доска о многом уже говорит. Икона эта откуда-то привезена, ни на какой антресоли она не лежала, краска довольно свежая, во всяком случае, не столетней давности, это точно. Но голову ломать не стоит, без Марка Андреевича нам не разобраться.

А со следующего утра у четы Садовских, Эдуарда и Анжелики, а также и у Татьяны началась совершенно новая полоса в жизни: они напали на золотую жилу, образно говоря, и ступили на тропу не совсем законной реализации произведений искусства, икон и церковной утвари 15—17 веков.

История эта продолжалась не так уж долго, но принесла этой троице весьма ощутимый доход, что значительно обогатило молодую семью Садовских и в корне изменило жизнь Татьяны, на что она уже и надеяться перестала

Семен Тарасов, невысокий, но симпатичный молодой мужчина, вырос в семье довольно уважаемой в их захолустном городке. Мать его, Агриппина Федоровна, была домохозяйкой, смотрела за домом, стряпала, шила, мыла, стирала, и на судьбу не жаловалась. А ее муж, отец Семена, был плотником и строителем, слыл работящим да безотказным на все руки мастером. Кому починить, кому построить, а кому просто подсобить – Матвей никогда никому не отказывал, а брал за работу немного, так, сущие пустяки, чтобы совсем уж не задаром. Они с женой воспитывали сына, он рос тихим пацаном, мать не обижал, отца не огорчал. Отец часто гладил его по голове и приговаривал:

– Ничего, сынок. Ты только грамоте обучись по-хорошему, да школу закончи, а я тебя пристрою на хорошую работу. Шоферить будешь, я дядьку Якова попрошу, он тебя научит. Еще годок-другой погоди, и за руль тебя посадим.

Так и вышло. Семен кое-как, с грехом пополам закончил среднюю школу, получил Свидетельство о среднем образовании и в школу больше не вернулся. Пошел на курсы водителей и тут удивил отца с матерью, водителем он оказался способным. Вернувшись после армии, молодой человек снова сел за баранку и больше десяти лет проработал на местной автобазе.

Когда ему исполнилось тридцать пять лет, неожиданно слег отец, да так больше и не поднялся. Семен с матерью смотрели за отцом ухаживали, кормили-поили больного, но дело шло к концу. Матвей Тарасов свою кончину предчувствовал, поэтому как-то вечером подозвал сына и сказал:

– Дверь прикрой. Мне с тобой потолковать надобно.

Семен уселся рядом с отцом на край кровати и приготовился к разговору, не имея ни малейшего понятия, о чем пойдет речь. А отец медлил, собирался с силами и наконец рассказал сыну такое, отчего тот взбудоражился, разнервничался и не знал, как и реагировать на слова отца. А история была таковой.

Много лет назад, когда Семен был еще в армии, его отца пригласил к себе один большой начальник и сказал:

– Ты у нас в округе считаешься одним из лучших мастеровых, Матвей Кузьмич. Я справки навел. Хочу тебе работу предложить. Серьезную работу, которая потребует от тебя и умения, и терпения. Но зато городу поможешь. Городишко наш небольшой, его и не на всякой карте сыщешь, сам знаешь. А вот церковь у нас знатная, старинная церковь, и есть она во всех справочниках и путеводителях. Ей уж, почитай, лет четыреста.

Матвей вспомнил про церковь, махонькая, с куполом-луковкой. Но старая, да. Хотя ведь ее реставрировали не так давно, лет десять назад. Об этом он и напомнил большому начальнику. Тот покачал головой в знак согласия и продолжил:

– Все так. Реставрировали, конечно, и не раз. Иначе она бы рухнула давно. Но вот что нам покоя не дает, это основание и то, что под ним. Грунт, говорят, ползет, а фундамент старый. Его лет десять назад укрепили, подлатали, а менять не меняли. А как поменяешь, коли церковь на нем стоит. Там в подвале старец долгие годы живет, келья у него там. А тут он приходит к нам и говорит, что, мол провалы у него в полу образовались. Я там был, посмотрел. Сырость, мать честная! Наверное, грунтовые воды близко. А земляной пол весь в рытвинах. Рухнет церковь, ежели не примем меры.

– Ну так а я-то тут при чем? Я же строитель какой, домишко там, коровник справить, а тут церковь старинная. Вам надо в область обращаться, настаивать...

– А то мы не обращались! Нету денег, говорят. Своими силами ремонтируйте. А я знаю, что коли рухнет церковь, меня с работы погонят, если под суд не отдадут. Вот я к тебе и с просьбой такой. У тебя руки, говорят, золотые. Бригаду рабочих дам, архитектора найду, он что надо делать, тебе все в чертежах изобразит и на пальцах разъяснит. А ты уж не подведи. Прорабом будешь, все возьмешь под свой контроль. Материалы какие-никакие тебе выйду: кирпич, бетон, древесину. Все будет! Только чтоб по-серьезному. Берешься за работу, значит я на тебя рассчитываю.

– Ну мне подумать надо, – уклончиво ответил Матвей. – Работа-то не пустяшная, фундамент выправить. Но раз все так спешно и серьезно, то я сначала посмотрю, что там под этой церковью.

Начальник таким ответом остался доволен и сказал, что посмотреть он может в любое время, старец этот все еще там обитает, пусть покажет, да расскажет все, как есть.

– А завтра к вечеру жду тебя с ответом. Договор на подрядные работы составим, подпишем, и начнешь работать. Тянуть нельзя.

– А старца этого куда ж? Он-то где жить будет? – озабоченно спросил Матвей.

– Родственники у него есть, заберут пока. А как с фундаментом покончишь, то пусть возвращается в свою келью, если она в сохранности будет. А то может и засыпать ее придется для укрепления основания. Ты посмотри там все по-хорошему. Проверишь и мне доложишь. Лады?

Матвей ушел от начальника с тяжелым сердцем и грузом на душе. Не привык он к ответственности такой. Церковь спасать, памятник старины. Это ж разве пустяки? Дома жена успокоила его.

– Ничего, раньше времени не причитай. Иди завтра, посмотри все, а потом и решишь. А коли сможешь сделать, то берись. Святое дело.

На следующий день рано утром Матвей прибыл в церковь, рассказал батюшке о разговоре с начальником и попросил отвести его в подвальное помещение и показать, где старец проживает.

– Это наш Серафим, святым себя пророчит. Ему уж за восемьдесят, а он ни в какую в миру жить не хочет. Монастыря у нас тоже нет поблизости, а родную сторонку, землю-

матушку, покидать не желает. Вот и живет себе отшельником. Так и слава Богу, он-то и заметил, что земля ползет под ногами.

За этими разговорами они спустились вниз по крученой лестнице метров на пять в глубину, и оказались в затхлом, полутемном подвале. Лампочка здесь горела, но была тусклой и освещала плохо. В стене была видна дверь, в нее и постучал батюшка.

– Отец Серафим, к тебе гости. – С этими словами он открыл дверь, и они вошли внутрь комнаты, в которой стояла железная кровать, стол, на нем свеча и керосинка, в углу старинный сундук и ларь с продуктами: хлеб, какие-то мешки и пара кастрюль. В противоположном углу располагалась железная бочка, почти полная воды.

– Добро пожаловать, гостям рады – прошамкал пустым ртом старец и предложил гостям присесть на кровать.

– Мне-то недосуг, отец Серафим. Я пойду наверх, у меня дела, служба. А ты вот со строителем поговори, покажи ему рытвины да ухабы. Укреплять будут фундамент, твоя заслуга и бдительность.

Батюшка перекрестился и ушел. Матвей долго проговорил с Серафимом, и за жизнь, и за дела людские, а потом пошли осматривать пол и стены. Было от чего прийти в ужас и забить тревогу. По-хорошему, так в этом подвальном помещении оставаться было нельзя ни на минуту, а тем более, жить.

– Ну вот что, отец Серафим. Ты давай собирайся, выселять тебя будут. А как все отстроим заново, так вернешься, коли захочешь. А может и нет, в дому-то всяко лучше жить, чем в подвале.

– Это кому как, – проговорил Серафим, – а я за свои грехи тут отбываю. Тяжки они, сын мой, ой тяжки. За них мне прямая дорога в ад, а ежели мне в аду здесь, на земле прожить, то смилостивится Всевышний, отпустит грехи-то.

Матвей его разглагольствования слушал в пол-уха, все осматривался вокруг и прикидывал, сколько ж здесь работы предстоит и с чего начинать.

К работе над фундаментом приступили через неделю. Серафима вывезли и отправили к какому-то племяннику на время. А вечером, в день перед отправкой, подозвал он к себе Матвея и говорит:

– Ты меня послушай, хороший человек. Я-то коли не вернусь сюда, то мой клад пусть на твоей совести останется. Вот он, мой грех. Никому не рассказывал, ты первый и единственный, кому эту страшную тайну доверяю.

Как оказалось, прослужил Серафим в этой церкви с самых ранних лет, а в войну, перед самым ее концом, беда приключилась. Городишко их немец стороной обошел, но наши грузовики да военная техника через него проезжала в сторону фронта, и не раз. И вот однажды зашли в церковь два военных в серьезных чинах и притащили тяжелый увесистый сундучок.

Отец Серафим был в церкви один. Они ему свою поклажу и доверили.

– Тут иконы старинные, да утварь церковная. Несколько церквей в разных городах немцы, отступая, разбомбили. Мы что могли, спасли и вывезли. Но сейчас на фронт едем, немца будем до Берлина гнать, куда нам с этими реликвиями! Ты пока припрячь сундучишко-то, а мы потом вернемся, заберем. В Москву переправим.

Серафим попросил спустить сундук в подвал и обещал хранить его как зеницу ока. А ночью бомбежка разразилась такая, что в их темном городке аж все слышно было и в небе отсветы от взрывов до утра вспыхивали. Поубивало всех, видать, подчистую. Не вернулись больше эти военные за своим грузом. Долго ждал Серафим, и год, и другой. Война уж закончилась, а он все не терял надежды, но затем понял, что сундук, запрятанный в подвале, теперь ему принадлежит, и на его совести, как с ним поступить. Вскрыл он его наконец, а в нем добра старинного, иконы знатные, образа в камнях, лампы, серебряные да позолоченные оклады, всего не перечешь.

Испугался Серафим: куда теперь это все девать? Сначала хотел все церкви отдать, да рассказать, как да что. Но не доверял он местным попам, жадные да вороватые, растащат все, и концов не найдешь. В городскую управу свезти сундук – так они церковь не жалуют, коммунисты все, как один. Заберут все, и на переплавку, золото да серебро денег стоит, а страна бедствует. А иконы старинные и вовсе никакой ценности для них не представляют. Все прахом пойдет.

И решил Серафим запрятать сундук подальше, и не говорить о нем никому до поры до времени. В подвале он один хозяйничал, толстые попы туда не спускались, поэтому вырыл он нишу в стене, запихал туда сундук с добром и замуровал.

А тут беда приключилась, у сестры родной сынишка захворал, чуть не помирает. Лекарства нужны были, пенициллин только-только появился, а стоил невероятно дорого. Откопал Серафим свой сундук, вытащил оттуда иконку небольшую, поехал в соседний город и продал в их церковь. Хорошо ему заплатили тогда. И ребенка спасли.

– Я грех на душу взял, родных от голодной смерти да от хворей всяких спасал, приторговывал я чужим добром святым. Вот она, моя правда. Но за эти грехи я себя и наказал, сорок лет отшельником в келье прожил, а к сундуку больше с тех пор и не притрагивался. А вот теперь этот племянник, которого я от смерти тогда спас, меня к себе забирает. Замкнулся круг, только я так там и помру, знаю я. Отработал свое.

Матвей выслушал старца, не перебивая. И только спросил в конце:

– И где же он запрятан, сундук этот?

– А этого я тебе говорить не буду. Сам ищи, где он замурован. А что с ним делать, тоже сам решай. Только если мою историю рассказывать станешь, уж после моей смерти. Не хочу я, чтобы ходили ко мне сыщики всякие, да спрашивали, вопросы задавали, судили. Тяжело мне, душа, как свинцовая, а сердце – камень. Пусть Бог меня рассудит, а не эти продажные в погонах.

5. Семен и Женька

Семен выслушал рассказ больного отца, помолчал, призадумавшись, и спросил наконец:
– Так, история с географией. И чего? Нашел сундук? И где добро?

Отец прокашлялся, выпил воды и продолжил:

– Нашел, в стене он был. Я ночами туда шастал, да выносил все потихоньку, а как все вынес, так сундук пустой к старцу в комнату затащил, да под кровать запрятал. Никто ничего и не заподозрил.

И опять тишина. Семен сидел, как на иголках. Ждал, что же дальше было, но Матвей медлил с рассказом, тяжело ему, видать, было.

– Ну?! – не выдержал сын. – Не тяни кота за хвост, батя. Где ты все спрятал-то?

– У нас, в старой голубятне. Там пол двойной, старый когда прогнил чуток, мы с тобой поверх него новый настелили, помнишь? Вот там две доски отходят. Их приподымаешь, и все найдешь. Только боюсь, не испортились бы образа да иконы.

Семен испугался, а что, если испортились? А если и нет, куда с ними? Кому продашь?

– Я с них ни копейки не поимел, ничего не тронул и не продал. Думал, тебе на учебу или на новый дом, коли семьей обзаведешься. А ты вон на четвертом десятке, да все бобылем. Найди себе женщину хорошую, женись, да поживите в достатке. Мать только не впутывай. Раскудахтается она, занервничает. Все дело испортит. А деньгами помоги, коли сможешь это добро в оборот пустить.

Отец смотрел на сына и понимал, какие мысли его одолели. Чужое добро в твоих руках – дело не шуточное, он вот не смог им распорядиться, а сын-то сможет? Шофер, без друзей, без связей. Эх, незадача! Но чтобы прервать его тягостные мысли, он спросил:

– А чего ж про церковь-то не спросишь? Починили мы фундамент, да по-хорошему, весь подвал засыпали, укрепили кирпичом. А старец вскорости и помер.

– Да знаю я, читал в газете о твоём подвиге на благо города. Мать газету до сих пор хранит.

– Путевку нам тогда с ней дали в Кисловодск, бесплатную. А душа на части разрывалась.

– Да ладно, батя, забудь. Ничейное оно, это добро. Считай, что нашел. Ты вот тыщу долларов найдешь, себе заберешь или в милицию отнесешь?

– Да на кой они мне? Мне уж ничего не надо, а ты сам будь осторожным. Попадешься, не отвертишься. Они тебя замучают, где взял, да где украл.

На этом разговор закончился, отец еще месяца три проболел и умер. После похорон отца Семену тоже было не до икон, боялся он к ним притрагиваться. Чувствовал, что не сдюжит. Но потом подвернулась ему удача, директор автобазы подозвал его к себе и сказал, что заказ ему пришел из центра, шофер со стажем нужен, дальнобойщик.

– В центр поедешь, там заработки ого-го, с нашими не сравнить. Заработаешь, да по стране поездишь, по ближнему зарубежью опять же. Соглашайся, я тебя рекомендовать буду. Мужик ты молодой, непьющий, да и один у нас холостяк. Остальных-то я от семей отрывать не могу, хотя желающие нашлись бы.

Семен долго не раздумывал, мать тоже не возражала:

– Соглашайся, Сеня. Большой город, большие возможности. Пропадешь ты тут у нас в захолустье. Да и девок молодых нет, всех уж разобрали, а разве это дело бобылем-то оставаться?

Так у Семена Тарасова началась новая жизнь. Жил он в рабочем общежитии, но большую часть времени проводил в рейсах, поэтому жилье его совсем не беспокоило. Напарник у него был опытный, Иван Савельевич. Сколько они с ним километров по стране отмахали! А разговоров сколько всяких, о себе да о судьбе. Только Семену особо и рассказать-то было нечего, а вот напарник его поделился с ним то ли радостью своей, то ли бедой.

– Дочка моя, Женька, хорошая девчонка была, но оторва, каких свет не видел. Все с мальчишками по дворам бегала. Не уберегли мы ее с матерью, работали, как проклятые, а она сама росла, что травинка в поле. И вот в двадцать пять лет за решетку попала, да уж второй раз. Сначала еще девчонкой совсем, там легко отделалась, а затем уже по-крупному. А толком и не знаю, за что. Банда у них была что ли, человек пять, деньги вымогали, какие-то сделки незаконные, кого-то шантажировали. По 163 статье загремела моя дочурка. А теперь вот вышла. Все, говорит, батя, больше я туда ни ногой. Остепенилась.

Семен слушал напарника в полудреме, поэтому вся эта информация доходила до него плохо. Что-то услышал, что-то нет. Одно в мозгу отпечаталось, дочка у Ивана Савельевича молодая и не замужем. Хороший вариант. Да и Савельич мужик, что надо. Познакомиться бы с этой Женькой. Сам он, конечно, не Аллен Делон, но и не урод, работающий, при деньгах. А она тоже, поди, не нарасхват. Но раз решила остепениться, то сойдет. Как-нибудь поладят они.

И в один прекрасный вечер, после возвращения из рейса, Иван Савельевич пригласил своего напарника к себе на ужин. Семен быстренько осмотрелся, на нем джинсы, кроссовки, свитер и кожаная куртка. Ничего так, прилично одет, можно в гости пойти, да и согласился.

Купили в киоске бутылку шампанского, коробку конфет и появились в дверях квартиры, где их встречали две похожие друг на друга женщины, только одна в возрасте и простоватая, а вторая молодая, в малиновом спортивном костюме и с такого же цвета помадой на сочных губах. Полногрудая блондинка, очень аппетитная и, судя по всему, без комплексов.

– О! Мужичонка к нам на огонек! Милости просим. Это кто же такой мальчик-с-пальчик? Твой напарник, папаня? Это ты мне про него все уши прожужжал?

– Женька, ну ты хоть язык за зубами придержи. Ничего я тебе не жужжал, а говорил только, что напарник у меня хороший, это да. Проходи, Семен, не стесняйся. Женьке у нас палец в рот не клади.

Весь вечер мужчины и женщины хохотали, рассказывали анекдоты, иногда не очень приличные, ели-пили, веселились, а уже за полночь Семен засобиравшись домой, в общежитие. Но его не отпустили.

– Оставайся у нас. Женька в зале на раскладушке ляжет, а ты в ее комнате. Переночуешь, завтра утром поедешь. Куда сейчас ночью-то идти?

Семен согласился, хотя сказал было, что на раскладушке ляжет он, но Женька резко возразила:

– Нет, у нас в доме так не принято. Ты гость, поэтому иди ложись давай, где сказали. А мне и на раскладушке хорошо.

Но не прошло и получаса, как дверь спальни тихонько скрипнула, и нагая жаркая Женька запрыгнула к Семену в постель.

Так состоялось это знакомство, быстро и незатейливо. А наутро, за завтраком с блинами, родители Женьки и объявили Семену:

– Раз уж вы так быстро сошлись, то давайте по-серьезному. Она у нас девка не гулящая, грешки, конечно, есть, но вот развратничать не развратничает.

Семен, пожалуй, так радикально бы не выразился после того, что он испытал с «целомудренной» Женькой прошедшей ночью, но, положив руку на сердце, повторить бы не отказался.

Он кашлянул, метнул быстрый взгляд на свою неожиданную невесту, которая очень откровенно, с надеждой в просящем взгляде взирала на него, и ответил:

– А я что, я не против. Евгения девушка видная. Если она тоже согласна, то я и по-серьезному могу. Я теперь свободен пока.

Последнюю фразу он сказал специально, чтобы хоть на ступеньку поднять свой мужской статус, да, мол, свободен теперь, а до этого... ну, что хотите, то и думайте.

Мать Женьки слегка напряглась при этих словах, но отец быстро выправил ситуацию:

– Он свободен, женат не был, алименты не платит, тут все чисто. Хороший мужик, Семен. Я за него ручаюсь.

Женька взвизгнула при этих словах и прыгнула растерявшемуся жениху на колени.

– Ну и все, чего тут разглагольствовать, да, мужичок-с- ноготок? Да не куксись, я шучу. Ты мне сразу глянулся, симпатичный. А рост в этом деле не главное, я тоже не верста коломенская. Вот только каблуки люблю. Придется тебе терпеть.

Женька и правда была невысокой, наверное с Семена ростом, ну а на каблуках, конечно, он до нее не дотянется. Но она права, это не главное. А что главное – Семен тогда как-то и не задумался над этим вопросом, памятуя о прошедшей ночи.

Молодые люди, казалось, были счастливы, обретя друга, и первое время их общение было радостным и беззаботным. Семена и его напарника всегда ждали из рейса с хорошим ужином, выпивкой и жаркой постелью. Его все устраивало, во всяком случае до тех пор, пока Женька вдруг не заявила:

– Мальков, а ты жениться-то когда собираешься? Родаки уже косо смотрят. К тебе папаня мой с этим вопросом еще не приставал?

Семен слегка опешил, и спросил первое, что пришло в голову:

– Какой еще Мальков? Я Тарасов, или это ты меня так дразнишь, от слова малёк что ли?

– Тю! При чем здесь малёк? Это певец такой есть, Дима Мальков. Он на тебя похож, такой же махонький, но на морду клевый.

– Не Мальков, а Маликов тогда уж.

– Пофиг, хрен редьки не слаще. Ну? Предложение руки и сердца я когда получу? Или мне самой тебе предложение делать?

Вопрос стоял ребром, да и Иван Савельевич уже не раз намекал, мол, Женька в девках засиделась, чего вы тянете, дочь мне не опозорь, и все в таком духе. Надо было решаться.

– Женя, я вот чего подумал-то, жить ведь нам негде. Ко мне же ты не поедешь?

– В твой мухосранск? Я что, полоумная, по-твоему?

– Ну вот, я и говорю, не поедешь. А на квартиру мне еще копить и копить. Если поженемся, придется нам съемное жильё искать. Ты как?

– Глазом об косяк! Какое еще съемное жильё? Я тут буду жить, ты все равно в разъездах, на хрена мне в чужом углу тереться!

Так и порешили. Семен сделал своей возлюбленной предложение, она сказала, что надо подумать, затем сходила на кухню, выпила стакан воды, посетила туалетную комнату и наконец вернулась с принятым решением:

– Ладно, черт с тобой, согласная я.

А после этого все закрутилось, завертелось. Женька с матерью вплотную занялись подготовкой к свадьбе, которую назначили на следующее лето: денег надо подкопить, чтобы и на свадебные наряды, и на ресторан хватило. И угощение должно быть знатным, гостей созвать, только самых близких, конечно.

Агриппина Федоровна, мать Семена, только руками всплеснула, узнав от сына, что тот собрался жениться.

– Ну и слава Богу! Я уж и не чаяла внуков дожидаться. Привези Женечку сюда, мы хоть познакомимся. Хорошенькая? И имя такое славное, Женя. Скромненькая, наверное. Из простой семьи?

– Мама, ну я же говорил, она дочь моего напарника, а мама в торговле, так что семья простая. Скромненькая или нет, тут большой вопрос. Она сама себе командирша, с характером. Симпатичная, модная. Привезу как-нибудь, если согласится.

– А чем же она занимается? Где работает? – продолжала расспросы мать.

Тут Семен совсем осекся. Этот вопрос он как-то упустил из виду, когда готовился к разговору с мамой. Но все же нашелся быстро:

– Пока нигде. И не собирается в данный момент, ребеночка думаем сразу завести. Какой смысл устраиваться на работу, если вскорости в декрет идти. Так ведь?

– Ну да, правда. Но она профессию-то имеет какую-нибудь?

– Да, имеет, – ответил Семен, не придумав профессии для Жени, но тут к ним в дверь постучала пришедшая повидаться соседка, и разговор, к счастью, прервался.

После этого Семен старался обходить этот вопрос стороной, да и мама больше не приставала, видимо почувствовала неудобство сына.

«Значит, похвастаться нечем», – подумала она и отступилась.

А Семен в это время всерьез задумался о собственном жилье и о том, чтобы обеспечить своей будущей семье достойную жизнь. Он искренне надеялся на то, что с деньгами Женя оценит его по достоинству и не будет рассматривать, как мелкого, никчемного шоферюгу. И сама при деньгах почувствует себя более уверенной в жизни, хорошо обеспеченной молодой женщиной, женой успешного, а не бедного мужа.

«Нужно мне добраться до этих икон, глянуть хоть, что там такое? Хоть бы не попортилось бы добро за столько-то лет», – подумал Семен и в один из свободных дней, когда мать отправилась с соседками на базар, решил забраться в голубятню. Голубей своих они уже давно разогнали, еще до его ухода в армию, а голубятня осталась, ломать не стали.

Отец его не обманул. Семен нашел две приподнимающиеся доски в полу, а под ними и склад. Каждый предмет было аккуратно завернут в мешковину, и все покоилось между двумя толстыми клеенками, одна подстелена снизу, другая сверху.

Он нащупал первый сверток и вытащил его на свет божий. Это была икона и, по-видимому, очень старая. Древесина изрядно покоричневела, а лик святого сохранился неплохо, краски яркие, чуть-чуть, правда, потрескались кое-где и в углах облупились. Но это ничего, старина ценится даже с такими изъянами, он об этом по телевизору слышал.

«Начну с нее», – подумал воспрянувший духом Семен, прикрыл остальное добро аккуратно клеенкой и положил на место доски.

В следующий свой приезд будущий муж прибыл к возлюбленной не с пустыми руками: он привез ей «фирменный» плащ, высокие сапоги, очень модные, но самое главное – икону.

– Вот, смотри. Моему батю в наследство кое-что досталось. Но они с мамкой верующими никогда не были, поэтому сложили это все в сундук, и валяется у них. А я подумал, может продать? Сколько это может стоить, как ты думаешь?

Женька присвистнула, взяла в руки икону и сказала:

– Ну сотню баксов, как пить дать, а то и больше.

– Чего так мало? – изумился Семен. – Я думал нам на квартиру накопить, распродать все и, либо купить, либо хороший взнос сделать.

– В ипотеку? А потом горбатиться двадцать лет на эту халупу. Чего ты с этой квартирой, как заведенный. На черта она нужна, родаки-то не вечные. Лучше одеться по первому разряду, да по курортам всяким поездить, за границей побывать. Вон в Турцию какие путевки продают, туда только богатые и ездят. А из Турции можно барахла всякого на продажу привезти, куртки, плащи кожаные. И будет тебе полезное с приятным. Ларек на рынке возьмем. Ну? Соображай маленько, малёк!

Семену такие разговоры не понравились. Ему хотелось вложить деньги по-хорошему, чтобы с пользой для семьи, а не пустить все под откос, на шмотки, да разъезды. Нет, конечно, в Турцию можно съездить отдохнуть, тут Женька права, но вот ларек на рынке открывать ему совсем не хотелось. Чтобы замять этот разговор, он сказал примирительно:

– Все, решено. Медовый месяц проведем в Турции. Согласна? Вот только эту икону надо продать, но не продешевить.

И тут Женьку осенило, она вспомнила про свою сокамерницу Татьяну, которую иногда брат навещал. Девки к ней пристали, кто он, чем занимается, и она рассказала про его бизнес с антиквариатом.

– Все, я знаю, что делать. Мне надо одну бабенку вычислить, у нее братеньник на этом деле собаку съел. Буду искать. Обязательно где-нибудь встречу, а нет, найду его лавку старьевщика, и прямо к нему. Не бойсь, мелкота! Со мной не пропадешь! – провозгласила Женька и хлопнула своего кавалера по плечу так, что он аж подпрыгнул от неожиданности.

С неделю помотавшись по городу в надежде встретить Татьяну Садовскую, Женька совсем было отчаялась. Город хоть и небольшой, не Москва или Питер, но вот так запросто человека встретить сложно. Где его искать? Женька была в торговом центре, и не раз, подходила к кинотеатру и даже к театру, но ей не везло.

И вдруг, в один прекрасный день, гуляя по центру города, она увидела ее и сразу узнала. Татьяна сидела за столиком в небольшом кафе, и Женька чуть не взвизгнула от радости.

«На ловца и зверь бежит», – вспомнила она поговорку, и решительным шагом направилась в кафе, чтобы тут же приступить к реализации намеченного плана.

6. Золотая жила

Марк Андреевич Туров был знатоком своего дела. Он разбирался в произведениях искусства в высшей степени профессионально, был востребован и хорошо известен в своих кругах. Он страшно не любил дилетантов и никогда не имел с ними никаких дел, зачастую отказываясь даже от выгодных предложений. Он привык разговаривать с деловыми людьми на равных, то есть они должны были разбираться в тех вопросах, которые желают с ним обсудить.

Эдуард и Анжелика Садовские были в числе уважаемых им клиентов, или даже партнеров, так как эта молодая парочка и Марк Андреевич дарили людям счастье становиться обладателями уникальных ценностей, которые выискивались порой невостребованно где и обретали новую жизнь.

Деньги тоже здесь крутились хорошие, антиквариат ценился очень высоко в мире знающих и понимающих в нем толк любителей и коллекционеров.

Но в этот раз Анжела с Эдиком удивили Турова своей растерянностью и неуверенностью по поводу иконы 17 века, которую принесли ему на оценку.

– Марк Андреевич, миленький. Что это за мазня? Доска впечатляет, но изображение – это же ужас какой-то, – говорила Анжела, а Эдик подтвердил:

– Нам принесли на продажу, но мы даже не знаем, как оценить этот шедевр. Помогите пожалуйста.

Туров взял икону в руки, внимательно осмотрел и попросил оставить на день-другой.

– Разберемся, – сказал он авторитетно. – Я боюсь, что эта уникальная икона просто испорчена поновлением.

Этот термин был широко известен в кругах реставраторов и означал обновление оригинальной живописи на иконе путем нанесения на рисунок либо нового сюжета, либо нового изображения. Чтобы лучше закрасить потускневший от времени рисунок и потемневшую олифу, краски использовались густотертые, масляные, которые наносили изрядный вред иконе, порой не подлежащей восстановлению.

Лица с Эдиком впали в уныние.

– А можно хотя бы попытаться восстановить первоначальный слой? – спросила Лица с надеждой в голосе.

Марк Андреевич подумал, рассматривая икону пристально и с пристрастием и наконец ответил:

– Анжелочка, голубушка, ну конечно можно попробовать. Давайте так, я сделаю анализ поверхностной краски, олифу тут, видимо, не применяли, оценю риски и дам вам знать. Ну и рекомендации для реставрации, если какие понадобятся, тоже постараюсь дать. Может быть все и не безнадежно.

Эдик подошел к вопросу с другой стороны.

– Марк Андреевич, во сколько вы оцените эту икону в том виде, в котором она есть? Нам надо с ее поставщиком рассчитаться. А уж после восстановления мы ее с вами оценим отдельно, учитывая ваш интерес, разумеется.

– Не знаю, Эдик. Надо посмотреть по-хорошему, что за школа у этих реставраторов, какая техника, ну ты же понимаешь, так на вскидку не скажешь.

– И все же, долларов пятьсот?

– Давай подождем до завтра. Просто не хочу вводить тебя в заблуждение.

На том и расстались.

– Чего ты насел на него? – спросила Лица мужа, когда они вышли из мастерской. – Мы и так выглядели, как болваны, не смогли понять, что к чему. А ты еще ценой озаботился.

Подождет Женя, задаток у нее, а остальное выплатим, когда будет ясность и определенность в этом вопросе.

– Ладно, согласен. А ты возьмешься за реставрацию? Ведь если мы ее восстановим, то ее стоимость возрастет во сто крат.

– Ой, Эдик. Подожди ты с подсчетами. Для меня сейчас гораздо важнее, подлежит ли она восстановлению и каков прогноз на успех. От этого зависят твои сто крат. Наберись терпения, как ребенок, ей богу!

Звонок в антикварный магазин к вечеру следующего дня заставил Эдика вздрогнуть, так как он был в напряжении. Весь день он ожидал известий от Марка Андреевича и изрядно нервничал. Лика успокаивала его с утра, но потом уехала по делам, у нее была запланированная встреча в музее, и он остался один. Вернулась она совсем недавно, как раз перед звонком Турова.

Марк Андреевич, как всегда, чинно поздоровался, поинтересовался, как идут дела, а затем приступил к деловой беседе.

– Ну что, Эдуард Георгиевич, вы, похоже, отыскали шедевр. Да, да! Эта вещь абсолютно уникальна. Конец 17 века, предположительно «Спас Нерукотворный».

Дальше в разговоре последовала терминология, больше понятная Лике, чем Эдуарду, и он передал ей трубку. У девушки засияли глаза, она слушала своего собеседника то ли с восторгом, то ли с благоговением, ничего не говорила, а лишь кивала и иногда посматривала на мужа глазами, полными счастья.

Наконец разговор подошел к концу, и Эдуард схватил Лику за плечи:

– Ну что? Есть потенциал?

– Есть! – уверенно заявила она и пересказала в подробностях и деталях весь разговор с Марком Андреевичем.

Он сводился к тому, что икона поддается восстановлению, и это самое главное, но работы с ней предстоит немерено.

– Понимаешь, я бы взялась, но у меня нет необходимых именно для этой работы инструментов. Покупать их смысла нет, так как хорошие стоят очень дорого, и в этом случае лучше отвезти икону на реставрацию в Москву, в мастерскую «Дома антиквариата», как советует Туров, он обещал договориться.

– Ясно, а цена? Сколько она будет стоить, хотя бы приблизительно, он не сказал?

– От миллиона до полутора миллионов рублей, в зависимости от степени повреждения оригинального изображения и качества его восстановления.

– Обалдеть! – воскликнул Эдик. – Это почти двадцать тысяч долларов даже за вычетом расходов на ее реставрацию! Лика, это же классно! Надо соглашаться на все условия.

Молодые люди еще порассуждали на тему реставрации иконы и перешли к самому главному вопросу: кому ее продать.

– Мои клиенты больше интересуются ювелиркой, старинной посудой. Иконы, конечно, тоже покупают, но не дороже, чем за пятнадцать-двадцать тысяч. Это были самые дорогие, по-моему. На прилавок такую вещь тоже не выставишь. Надо искать покупателя, – задумчиво произнес Эдуард.

– Ты знаешь, моя практика показывает, что в процессе обращения подобных вещей в соответствующих кругах, покупатель, как правило, находится сам. Она попадет в «Дом антиквариата», а там охотников за такими раритетами хоть отбавляй. Она к нам и не вернется, я почти уверена.

Вечером состоялась встреча с Марком Андреевичем Туровым, с которым Садовские оформили договор на реставрационные работы, обговорили детали, его маржу, а затем спросили, какова все же реальная стоимость иконы в ее теперешнем виде.

– Нам надо рассчитаться с поставщиком, так сказать.

– Ну в пределах тысячи долларов, я думаю. За большую цену ее у них никто не купит. Она замалевана и не один раз, так что раскопки понадобятся, там слоя три, не меньше.

Молодые люди приуныли, а что, если восстановить не удастся? Но Марк Андреевич, без клятв и торжественных обещаний все же заверил их, что профессионалы должны справиться.

Дома весь этот разговор был в подробностях передан Татьяне, при этом Эдик заметил невзначай:

– Ну вот тебе и квартира на Маршала Жукова.

– События не опережай пожалуйста, – ответила сестра. – Сглазишь. Но за хорошие новости спасибо. Ну и вы в долгу не останетесь.

– Ребята, мы делим шкуру неубитого медведя, – полушутя сказал Лика и поставила на кофейный столик бутылку шампанского и три фужера. – Эдичка, открывай! За предстоящий успех, а точнее, за надежду на него.

С утра Эдуард позвонил Жене. Он попытался объяснить ей, что необходима реставрация, что с окончательной оценкой и оплатой надо подождать, но та с этими доводами, мягко говоря, не соглашалась.

– Нет, Эдуард, как там тебя, Григорьевич. Так не пойдет. Я вам вещь отдала, получила лишь задаток, поэтому, либо возвращайте мне икону, либо доплачивайте остальное. Сегодня же!

– Хорошо, – тут же согласился Эдуард, не став даже уточнять свое отчество, – нет проблем. Вечером встретимся, я вам отдам остальные четыреста долларов. Встречаемся в торговом центре у интернет-кафе в семь вечера.

Эдик проговорил всю эту фразу очень уверенным, деловым тоном и тут же отключился, чтобы не выслушивать какие-либо возражения или уточнения со стороны своей собеседницы.

Женя призадумалась.

«Больно уж легко он согласился. Такой честный и порядочный что ли? А сеструха на нарах парилась. Надо тут быть похитрее и затребовать у этих жуликов побольше».

Эти же мысли она высказала Семену по телефону, так как тот был в рейсе, но будущий муж оказался более лояльным.

– Евгения, ты не напрягай и не налегай. У меня этого добра вагон и маленькая тележка. Нам с ним еще дело иметь придется, может, и не раз. Угомонись и соглашайся на все его условия.

Женька недовольно пробурчала что-то в ответ, но решила все же поступить по-своему. Она тут же отправила сообщение Садовскому, которое было более, чем кратким: «500, не 400».

Эдуард усмехнулся, но решил поставить наглухую девицу на место. Отвечать он не стал, а вечером отправился на встречу в условленное место.

– Вы, Евгения, видимо никогда не имели дело ни с бизнесом, ни с деловыми людьми, не так ли? – сказал он девице после короткого приветствия. – Есть такое выражение, условленная цена или стоимость. Эта та сумма денег, которая оговаривается в самом начале сделки и изменению подлежит только в самом крайнем случае: при возникновении неизвестных ранее фактов и обстоятельств.

Женька стушевалась, но быстро нашлась:

– А я с вами никакой договор не подписывала на первоначальную стоимость, поэтому могу ее менять. Моя мама не согласна на ту цену, которую вы предложили, вот вам и обстоятельства, – постаралась она разговаривать на равных, почти как бизнес-вуман.

– Послушайте, вы пытаетесь меня обмануть, но у вас ничего не выйдет. Эта икона представляла бы собой очень важную культурно-историческую ценность, если бы не была окончательно испорчена. Кто-то из ваших родных, если это икона вашей матери, как вы утверждаете, испортил ее.

– Че-го?! Как это испортил? – спросила Женька, растягивая слова. – Никто ее не портил, чего вы мне тут туфту гоните?

– Это не туфта, вот взгляните.

И Эдуард протянул Женьке заключение Марка Андреевича, где было четко указано, что икона, как историческая ценность, подверглась порче путем нанесения на оригинальный слой дополнительных слоев краски с целью изменить первоначальный сюжет и рисунок.

– Это заключение специалиста, о котором я вас предупреждал на нашей первой встрече. Видите слова «подверглась порче».

– И что это значит? – недоверчиво переспросила Женька.

– А то и значит, что тот, у кого она хранилась, взял и нарисовал на исторически ценной иконе новое изображение, нарисовал неумело, грубыми масляными красками, и испортил ее. Кто это сделал? Ваша мама или бабушка с дедушкой? Кто будет отвечать?

Женька слегка растерялась. Слова «кто будет отвечать» воскресили в ее памяти неприятные часы допросов и разбирательств с правоохранительными органами, и она сникла.

– Ой, да ладно! Нашли художников. Мои предки никогда и карандаша-то, не то что кисточки, в руках не держали. Это не они.

– А кто? Вот то-то и оно-то. Не они. И икона эта никогда вашей маме не принадлежала, мы знаем, из каких она мест, даже предположительно из какой церкви. А от Винницы и Кубани это ой как далеко.

Женька попыталась что-то сказать, но Эдуард ее опередил.

– Значит так. В том виде, в каком она есть, она и пятисот долларов не стоит, но я обещал, я их вам заплачу. Расследованием того, как она к вам попала, я заниматься не буду, это не входит в круг моих интересов.

– А зачем же она вам, если она такая испорченная? Перепродадите за сколько? – не унималась Женька.

– Я не собираюсь ее перепродавать. Моя задача попробовать восстановить ее первоначальный вид и историческую ценность и вернуть в церковь, где ей и место. А уж будут мои труды оплачены или нет, я предполагать не могу.

Женьке такой расклад был непонятен, но вникать она не стала.

– Ладно, не хотите заработать, это ваше дело. Но у меня еще кое-что есть. Но вы, по ходу, не тот человек, с кем можно иметь дело и договариваться о цене.

– Почему же? Я разве вас обманул? – не согласился с ее выводами Эдуард. – Обещанную сумму принес, документ о непригодности предоставил, все по-честному.

– Ну да. Короче, захотите взглянуть на товар... ну, на исторические ценности, я имею в виду, позвоните. У меня этого добра вагон и маленькая тележка, – повторила Женька слова Семена.

– И все от мамы? – спросил Эдуард.

– Да вам-то какая разница? Кто-то скелеты в шкафу хранит, а мы вот исторические ценности. Да и то дело, чего пьются? Пусть вернуться в церковь, о цене договоримся. Только опять, чтобы с документом, все честь по чести.

– А то! Бизнес – дело серьезное, Женя. И не терпит суеты и обмана. Вот вам остаток, четыреста долларов. На остальное когда можно будет взглянуть?

– Я позвоню сама лучше. Может, в следующем месяце.

7. Большие перемены

Все эти события всегда вспоминались Татьяне как калейдоскоп неожиданных обстоятельств, которые чудесным образом сложились в красивый замысловатый узор ее новой жизни. Она, ее брат Эдуард и его жена Лика в полном смысле слова нашли тогда клад.

Робкий Семен и его разухабистая подруга Женя действительно привезли им сундук, взятый у матери Семена в сарае, с церковными реликвиями и драгоценностями с целью продать все оптом и заработать как минимум миллион рублей на этом. Игра стоила свеч.

Иконы в серебряных окладах, украшенных драгоценными камнями, таких было пять штук, позолоченные лампы и кадила искусной работы, иконы, оклады которых были украшены бисером, перламутром и финифтью, серебряная филигрань – все это имело огромную историческую ценность, так как являлось произведениями искусства 15—17 веков. Были в коллекции, конечно, и не очень ценные вещи, изготовленные в конце 19 – начале 20 века. Но то, что имело вековую историю, являлось действительно уникальным, и стоимость всего этого богатства исчислялась баснословными цифрами.

Выплачивать Семену и Жене один миллион было как-то неудобно, и Эдик предложил им оплатить еще и сундук, в котором все эти реликвии были доставлены. Он никакой ценности из себя не представлял, конечно, но Эдик заявил:

– Мы все берем за миллион, нас цена устраивает. И еще сто тысяч вот за этот сундучок. Пусть все в нем так и хранится. Согласны?

Женя с Семеном переглянулись, скрестившись радостным блеском в глазах, и, немного подумав как бы, дали свое добро.

– А вы вот еще обещали документы всякие на эти ценности, помните? – неожиданно спросила Евгения у Эдуарда, но тот ответил:

– Да, помню. Но документ появится только после осмотра каждой отдельной вещи, оценки ее исторической ценности и сохранности. Если что-то будет испорчено без возможности восстановления, как ваша первая икона, тогда появится соответствующий документ.

– А если не будет порчи? – не унималась Женя.

– А если не будет, то каждая вещь получит свой сертификат, номер, под которым она будет занесена в каталог исторических ценностей, ну и так далее.

Разговор потерял всякий смысл. Евгения с Семеном получили свои деньги, расписавшись в наскоро составленном Эдуардом договоре о купле-продаже, и удалились, став вдруг очень богатыми, и даже на сто тысяч богаче, чем ожидали.

На этом история могла бы и закончиться, но в руках у счастливой троицы оказались очень ценные исторические реликвии, которые требовали серьезного внимания и осторожности обращения.

Марк Андреевич Туров пришел в неописуемый восторг, увидев все эти сокровища, и ему предстояла большая работа по проверке и оценке каждой из вещей.

Продавались все эти ценности тоже довольно долго. Что-то ушло с аукциона, что-то, менее ценное, продано через антикварный магазин Эдуарда Садовского, а что-то через «Дом антиквара». Но вот одну из серебряных каминок Садовские решили подарить местной церкви, чтобы хоть как-то оправдаться в собственных глазах за не совсем честную сделку.

По правде говоря, все эти сокровища необходимо было бы вернуть государству, как найденный клад, и получить свои законные двадцать пять процентов. Но у Садовских рука на такое не поднялась. А потому чувство вины у них, как у порядочных людей, каковыми они себя считали, присутствовало и немного не давало покоя.

Татьяна же меньше терзалась угрызениями совести. Она в этой сделке участия не принимала совсем, получив лишь свои проценты, а точнее, львиную долю доходов, поэтому спала

спокойно. Деньги на ее, вновь открывшийся счет, пришли очень большие, такие, что и на две квартиры на Маршала Жукова хватило бы с лихвой. Но она не стала вкладывать деньги в это жилье, она решила уехать из родного города. Когда все окончательно улеглось, страхи и беспокойства Эдика и Лики улетучились, Татьяна наконец стала укладывать чемоданы.

– Так, и куда же ты все-таки собралась? – спросил ее удивленный до глубины души брат.

– Пока в Москву. А там видно будет. Сумею устроиться, останусь там, а нет, поеду дальше, может в Питер, а может... не знаю я, Эдик.

– А что за срочность? И что за необходимость? Я работу тебе хотел предложить, вести нашу с Ликой бухгалтерию. Купила бы квартиру, как и собиралась, жила бы себе спокойно.

– Спасибо, братишка. Но я все же уеду. Не комфортно мне здесь, в этом городе, я имею в виду. Сделай мне запись в трудовой, что я последние полгода у тебя работала финансистом. Ну и рекомендательное письмо напиши. А то с моим бухгалтерским стажем в хозяйственном магазине я вряд ли что-то стоящее себе найду.

Татьяна как раз полгода, как уволилась со своего последнего места работы, но продолжала иногда помогать Анатолию Ивановичу, а точнее, его новому бухгалтеру разбираться с делами и отчетами.

– Надоело все, понимаешь. Я никак не оторвусь от своего прошлого. Но раньше у меня такой возможности не было, а сейчас, спасибо вам, я стала независимой, свободной и можно начинать все с чистого листа.

Ли́ка при разговоре присутствовала, она молча выслушала все Татьянины доводы и наконец сказала:

– А я Таню понимаю. Ей нужно все перечеркнуть, все свое прошлое замазать густотертой краской, и начать рисовать свою новую жизнь в мягких пастельных тонах. Езжай, Танюша. Все у тебя получится, я уверена.

Татьяна до сих пор вспоминает это напутствие Лики, хотя прошло уже достаточно времени с тех пор, как она уехала из родного, но нелюбимого ею города.

Москва встретила ее тогда не очень приветливо. Суэта, беготня, блеск и нищета, красота улиц и площадей и грязь во дворах, переулках и переходах метро – все это смешалось в одну громадную картину, а точнее, полотно, написанное очень привередливым и не совсем талантливым художником. Во всей этой неразберихе нужно было искать свою нишу, свое место под солнцем, чтобы не затеряться в многомиллионной толпе и не стать просто винтиком огромного маховика мегаполиса.

Татьяна обосновалась в гостинице в самом центре и первые дни просто приходила в себя. Она гуляла по летнему городу, его паркам и набережным. Она изучала столицу, глядя на все совсем другими глазами. В Москве она бывала раньше, и не раз. Но сейчас совсем другое дело. Город изменился, он стал модным и современным, не утратив при этом духа той старины, которая всегда присутствует в тех местах, которые принято называть историческими уголками.

Татьяне эта новая Москва нравилась, хотя город и утомлял ее. Но нужно было устраиваться по-серьезному. С работой можно было и не спешить, ее финансовые возможности позволяли ей это. А вот приобрести жилье было крайне необходимо. На это ушло больше месяца, но наконец Татьяна Садовская въехала в свои собственные апартаменты в одном элитном жилом комплексе. Район был чудесный, с рекой и парком, свежим воздухом и сверкающими новизной многоэтажками.

Можно было бы конечно купить и домик в коттеджном поселке, примерно такой же, как у Эдика с Ликой, но она все же предпочла апартаменты. К центру ближе, район чудесный, дом для обеспеченных людей с закрытым въездом во двор и консьержкой в огромном холле подъезда. Все это вместе взятое было как-то ближе и роднее Татьяне, нежели отдельно стоящий дом за высоким забором.

Она и сейчас вспоминает начало своей новой жизни с трепетом и легкой ностальгией. Все она тогда сделала правильно, приняла верное решение о переезде в Москву, и если бы не последующие события, то наверное ее жизнь сложилась бы и неплохо. Но вот только судьбу не обманешь, она все равно пустит тебя именно по тому руслу, которое ею предназначено.

С Максимом Красновым Татьяна познакомилась случайно. В поисках работы она не раз посещала различные презентации новых фирм и компаний, куда допускались так называемые вольные слушатели. Она хотела найти для себя нечто очень интересное, даже захватывающее, такой бизнес, который увлек бы ее целиком и без остатка. Ей хотелось работать среди увлеченных своим делом, талантливых людей, и совсем не хотелось посвящать себя работе только ради денег любым путем. Это ее совсем не привлекало.

Но на первых порах ничего интересного ей не попадалось. Любая деятельность новых фирм сводилась, как правило, к тому, чтобы заработать как можно больше денег и желательно побыстрее. Такие фирмы подыскивали себе оборотистых сотрудников, хитроумных финансистов, чтобы с их помощью достигать своих максимальных целей, но с минимальными затратами.

На одной из презентаций она заметила его. Он выделялся в толпе присутствующих во-первых своим ростом под два метра, а во-вторых очень громким, хорошо поставленным голосом, который он демонстрировал, задавая очень умные и корректные вопросы.

Как оказалось, Максим Краснов был внештатным корреспондентом одной из столичных газет и занимался как раз раскруткой фирм-новичков в московской прессе. Именно в этот день Татьяна вдруг подумала, что ей наконец-то повезло. Не так давно открывшаяся компания по продаже классических кофейных напитков и чая подбирала себе еще одного менеджера, хорошо разбирающегося в финансах и бухгалтерии.

В настоящий момент фирма презентовала свой новый элитный магазин в огромном и современном торговом центре, и небольшое, прилегающее к нему кафе. Молодые энергичные руководители демонстрировали свою продукцию, рассказывали об уникальности и неповторимых вкусовых качествах своего кофе и чая и о том, что именно благодаря этому они выиграли тендер и стали владельцами этого чудесного кафе-магазина.

Фирма была солидной, и штат почти укомплектован, но вот еще один менеджер им бы не помешал, как они сами признались. Татьяну заинтересовала эта вакансия, но только вот как к ним подступиться? Желающих, наверное, и так хоть отбавляй. А тут вдруг этот корреспондент взглянул на нее с интересом и спросил:

– Вам нравится эта идея?

– Какая? – растерялась Татьяна.

– Ну вот этот элитный кофейный домик, магазин и кафе в одном месте. Мне кажется, здорово придумано. Идея, конечно, не нова. Но у них получилось неплохо. Великолепный интерьер, хорошая реклама, дорогой товар. Молодец Самсонов. Вы его знаете?

– Нет, а кто это? – Татьяна заинтересованно взглянула на своего собеседника и решила, что ей действительно повезло. Его знакомство с представителем этой фирмы может ей помочь.

– Самсонов? Хозяин этого бизнеса. У него сеть магазинов, но этот самый удачный. Его последнее детище.

– А вы с ним знакомы? – спросила в свою очередь Татьяна.

– Да, я его давно знаю. Он раскручивался через нашу газету. За рекламу платил столько, что простому смертному и не снилось. Но это дало свои плоды.

– Конфиденциальную информацию распространяете? – шутливо спросила Татьяна и красиво улыбнулась своему собеседнику.

Он ничуть не смутился и ответил ей в тон:

– Эта информация такая же конфиденциальная, как и мое имя. Максим Краснов, корреспондент. Будем знакомы?

– Почему бы и нет. Я Татьяна Садовская, безработная, но в поиске.

Максим оглядел ее с ног до головы, но очень деликатно, одним взглядом своих лучистых глаз и вновь спросил:

– В поиске? И что же вы хотите найти, если не секрет?

– До сегодняшнего дня сама толком не знала, а сегодня вдруг поняла, что в компании вашего знакомого Самсонова я не прочь была бы поработать. Я финансист, имею бухгалтерский стаж и хорошие рекомендации.

– Ну и отлично! – почти воскликнул Максим. – Он, кстати, обращался ко мне, чтобы я дал рекламу на вакансию финансового менеджера. Хотите, я с ним поговорю?

Татьяна растерялась. Все, конечно же, складывалось отлично, но ее трудовая может все испортить. И тем не менее, она решила идти напролом.

– Поговорите, Максим. Я буду вам очень благодарна.

8. Новая работа и новая любовь

После этой милой беседы они обменялись телефонами и разошлись. Прошло два дня, и Татьяна получила сообщение, что ее ожидают на собеседование в таком-то месте, в такой-то час.

– Ну что ж, прекрасно. Буду играть в открытую, – проговорила она самой себе и стала собираться на встречу.

Самсонов Борис Магомедович произвел на нее сногшибательное впечатление. Он ожидал ее за столиком своего вновь открывшегося кафе, в потрясающем летнем костюме цвета кофе с молоком, белоснежной батистовой рубашке, мужчина средних лет с идеальной стрижкой, безукоризненными ногтями и хорошей статной фигурой: широк в плечах, узок в бедрах, все, как нравится большинству женщин.

Татьяна тоже была сама элегантность: черная узкая юбка-карандаш, алая шифоновая блузка, ну и черные «лабутены» на изящной шпильке, чтобы уж все в тон.

Беглое знакомство, внимательный, даже пристальный взгляд, мягкое, но уверенное пожатие руки, соответствующая случаю приветливая улыбка и приглашение за столик – вся эта церемония уложилась буквально в полминуты, и за это время Татьяна поняла, что она Самсонову понравилась.

– Итак, Татьяна Георгиевна, мне вас порекомендовал один мой очень давний знакомый, и я ему доверяю. Расскажите о себе, кто вы, откуда, почему решили работать в моей компании?

И потянулась скучная тягомотина, интервью, которое очень любят работодатели, но, как правило, ненавидят соискатели. Татьяна не была исключением, поэтому подошла к делу совсем с другой стороны.

– Борис Магомедович, я очень хороший финансист и что самое главное – честный. Я приверженец чистой бухгалтерии, прозрачных финансовых отчетов и документов, и такую финансовую отчетность я могу вести с закрытыми глазами. Я десять лет проработала в одном из крупных коммерческих банков.

– Ну что ж, начало мне нравится. Расскажите немного о своих обязанностях в этом банке, будьте любезны. И почему вы оттуда ушли?

– А я оттуда не уходила, я держалась в этом банке до последнего и пыталась спасти его репутацию, когда все руководство, приведя свой банк за одну ночь к полному банкротству, просто исчезло из города и из страны.

Татьяна заметила, как у ее собеседника округлились от изумления глаза. Он молча взирал на нее и, видимо, не знал, как реагировать на такие откровения. Тогда она достала из своей изящной дамской сумочки газету и протянула ему:

– Вот, ознакомьтесь, если вам интересно. Тут статья об этом происшествии и о том, как оно плачевно закончилось для меня.

Борис Магомедович не поленился, прочитал статью от начала до конца и вновь взглянул на Татьяну.

– Вас арестовали? – спросил он в изумлении. – И осудили?!

– Да. Я получила три года, так как оказалась крайней и единственной не сбежавшей. И хоть моему адвокату удалось доказать, что я не принимала участия в этой грандиозной махинации, но судья его доводы не принял всерьез, и адвокат его, к сожалению, не убедил.

После этого наступила тишина, разговор, казалось, иссяк. Татьяна допила свой кофе, нелюбимый ею с детства напиток, затем свернула газету и вновь убрала ее в сумочку.

– Так что у меня 33 статья. Если вас это пугает, что вполне объяснимо, то скажите открыто. Я пойму.

С этими словами она протянула Самсонову свою трудовую книжку, он машинально открыл ее, но как-то враз собрался и внимательно прочитал последние записи.

– Вы работали в антикварном магазине? Вас туда взяли, ведь не побоялись?

– Да, тоже по рекомендации, – уклончиво ответила Татьяна. – Я еще раз повторяю, я честный финансовый работник, я не умею воровать и считаю это недостойным человека вообще, а финансового служащего особенно. Вот рекомендательное письмо с моей последней работы.

– Понятно, – сказал Самсонов, прочитав рекомендации, подписанные девичьей фамилией Анжелики. – Ну что ж, разговор исчерпан, – проговорил Борис Магомедович. – Как вы сами понимаете, ответа я вам сразу дать не могу, но что бы мне хотелось сделать – это поблагодарить вас за откровенность, ну и честность. Я с вами свяжусь.

На том они распрощались, но вот пожатие руки было уже несколько иным, Самсонов как будто придержал Татьянину руку в своей и слегка, совсем почти незаметно, погладил ее одним пальцем.

Этот жест не ускользнул от нее, но она никак на него не отреагировала, попрощалась и ушла, поблагодарив за потраченное на нее время.

Самсонов перезвонил ей лишь спустя неделю. Он позвонил сам и разговор начал весьма уверенным и деловым тоном. Все сводилось к тому, что он все же решил принять ее на работу на испытательный срок, но этот срок не оговаривался.

– Я сам решу, когда он закончится. Если вас все устраивает, жду вас завтра в офисе, будете принимать дела.

Татьяна сухо и официально поблагодарила своего нового начальника, тем самым приняв его предложение и согласившись на условия.

За неделю ожидания этого звонка уже произошло несколько событий. Во-первых, ей позвонил Максим Краснов, и начало разговора с ним было не очень приятным.

– Надо же предупредить! – высказал он Татьяне свое недовольство. – Я рекомендую человека, прошу взять его на престижную должность, а оказывается, что у этого человека судимость. Как я выглядел по-вашему?

Татьяна немного растерялась и ответила невпопад:

– Выглядели наверное очень импозантно и привлекательно, как всегда.

Он помолчал немного, затем усмехнулся и сказал:

– Да уж. Ну ты даешь! Сразила Самсонова наповал. Ладно. Время есть? Может по кофейку вечерком?

Татьяна проглотила его фамильярное «ты» и согласилась на встречу. И в тот же день ей позвонил Эдик.

– Танюха, ты работу нашла? Сегодня Лике звонили по поводу тебя и трясли за грудки почти сорок минут. Что ты, кто ты, какие у тебя связи, почему так хорошо одета, откуда у тебя деньги ну и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.